

Аванс

Дорогой маме – Елене Фёдоровне Соболевой.

I

Знаете ли вы, что такое волнение перед выходом на сцену? Волнение, для кого-то мучительное, а для меня желанное, словно героин для наркомана? Понять и оценить это состояние может лишь тот, кто в силу избранного рода занятий регулярно вынужден находиться на публике. Холодные, чуть влажные руки, испарина на лбу и боязнь что-то забыть или перепутать – с одной стороны. Предчувствие чего-то волнующего и захватывающего – с другой. Перед выходом ты резок и немногословен, потому что мысли заняты предстоящим выступлением. Иногда даже возникает ощущение физической боли (это когда выступление особо ответственное). И вот ты на сцене. И тут уже неважно, что тебе предстоит делать – петь, говорить или дирижировать. Главное – сделать шаг и начать. Постепенно уходит страх, а с ним и руки перестают мёрзнуть. Наоборот, появляется ощущение тёплой волны, идущей откуда-то снизу от ступней ног, словно после выпитой рюмки чего-то крепкого. Я не зря упомянул про наркомана. С годами, ты становишься зависим от этих ощущений. А если их долго нет, то испытываешь настоящую «ломку». Наверное, актёры, лишившись ангажмента, наряду с душевными муками, испытывают и физические мучения, да такие, что, порой не выдержав, накладывают на себя руки или умирают от инфаркта.

В феврале 1996 года, в Рахманиновском зале Московской консерватории, я испытывал не просто волнение, а настоящее волнующее цунами. Шутка ли – международный фестиваль Православной музыки, зал бывшего синодального училища, где работали Рахманинов и Чесноков, Кастальский и Данилин! Гиганты хоровой музыки с одной стороны и я – провинциальный церковный регент и преподаватель муз. училища с другой. «Моська и слоны», короче говоря. К «факторам риска» добавьте ещё и взыскательную московскую публику, забившую зал до отказа и с энтузиазмом аплодировавшую до тебя самым прославленным церковным хором России. В этой ситуации меркнет любой сценический опыт, а душа действительно уходит в пятки, вероятно чтобы потом той самой тёплой волной подниматься к взлетающему в эйфории мозгу. В этой ситуации лучше всего отвлечь себя работой. Что я и делал всё время, предшествовавшее нашему выходу на сцену – в классе, отведённом нам для подготовки, уже были тщательно разложены по партиям ноты, специально пошитый к фестивалю сюртук (а ля Пётр Аркадьевич Столыпин), уже безукоризненно обтягивал мою не самую совершенную в мире коренастую фигуру. Хор, нужно сказать, тоже закончил переодевание. Чёрные платья простого силуэта и белые шёлковые накидки делали и без того очень симпатичных девчонок, поющих в партиях сопрано и альтов, просто неотразимыми красавицами. Мужчины без особого изыска облачились в тёмные костюмы (мужскую концертную одежду Православное Певческое общество города Чернигова

просто бы не «потянуло»). Чтобы не оставлять волнению ни единого шанса, я решительно приступил к молитве и распевке. Вместе с нами пел «Царю Небесный» и все вокально-хоровые упражнения диакон Свято-Преображенского храма отец Владимир. Его участие было основным условием нашего выступления на фестивале. Георгий Георгиевич Поляченко, как директор всего происходящего в эти дни в концертных залах и храмах Москвы и Петербурга, не рискнул выпускать хор ППО в Большом зале Московской консерватории, а включил певчих из Чернигова в программу праздника диаконовского искусства. Успех нашего выступления, таким образом, полностью находился в руках отца Владимира. Он, проникнувшись важностью момента, тоже очень волновался. Волновался, хотя и был, как говорится, «не лыком шит». За плечами диакона была учёба на музыкальном факультете Нежинского педагогического института, носящего имя Н.В. Гоголя. Нежинский «музпед» считался одним из сильнейших на Украине, и образование там давали на консерваторском уровне. Мне однажды довелось побывать в этом «педагогическом гнезде» и я навсегда запомнил высоченные, с печами по углам аудитории главного корпуса, расположенного в здании бывшей нежинской гимназии, где в душе «смеющегося сквозь слёзы» будущего классика и было посеяно «разумное, доброе, вечное». Казалось, что автор бессмертной поэмы о «мёртвых душах», собирая материал к новой книге, незримо наблюдает за всеми нами. Правда, я находился в здании всего-то пол дня, а вот будущий отец Владимир провёл в институте долгие пять лет. Может, и его волнение было как-то связано с незримым присутствием великого земляка? Не знаю. Но если бы нашу нервную энергию тогда можно было как-то сфокусировать и направить на одну из украинских электростанций, то думаю, энергетический кризис, терзающий незалежную родину, на время обязательно бы отступил.

Преодолевая «трепыхание», хор, отец Владимир и я – регент и по совместительству Председатель ППО, пели интонационные упражнения, повторяли сложные фрагменты исполняемых на празднике произведений и разогревали глотки – свой главный певческий капитал. Спустя двадцать минут, коллектив был готов потрясти публику разнообразным репертуаром и диаконовским искусством отца Владимира. Заранее разведав дорогу за кулисы, я быстро и тихо провёл своих товарищей в комнату за сценой. А в историческом зале, блистал хор московских семинаристов. Слушая мощное звучание огромного мужского коллектива, я почему-то вспомнил, с чего мы все начинали свой путь в Рахманиновский зал Московской консерватории. А начиналось всё по законам диалектики – с единства и борьбы противоположностей, то есть с конфликта...

II

Конфликт вызревал медленно, словно фурункул, накапливая гной взаимных обвинений и претензий, терзая душу жаром и болью взаимных обид, бесконечно напоминая о себе бессонницей и мучительными размышлениями в любое время суток. И если в начале у меня ещё теплилась надежда на «консервативное лечение», то со временем необходимость

хирургических методов решения стала очевидной. Нужно сказать, что каждый руководитель, кроме качеств, свойственных профессии, ещё обязательно и психолог, и терапевт, и хирург в одном лице. Любое дело требует сплочения совершенно разных людей не только общими материальными интересами, но и единым духом, рождающимся в процессе работы, когда материальная сторона отходит на второй план, пропуская вперёд профессиональную гордость и честь. Вот здесь-то и необходимо понимать, кому и какой диагноз ставить, кого и как лечить, а какой «орган» и попросту ампутировать. В случае с настоятелем Черниговского Свято-Казанского храма предстояла мучительная операция, не сулящая ни мне, регенту церковного хора, ни отцу настоятелю ничего хорошего...

А как всё чудесно начиналось! Серёжка Царевский, друг ещё со студенческих «музылицных» времён, посоветовал молодому настоятелю «Казанки» пригласить меня регентом тогда ещё несуществующего хора. Знакомство состоялось на квартире отца Николая, вернее его жены, так как жил молодой священник в «примах». Встретил нас иерей, несмотря на поздний час и сугубо домашнюю обстановку, в чёрном подряснике, угостил чаем и записями Игоря Талькова, а уж потом изложил своё видение роли хора в окормляемом им приходе. Поскольку на творческое руководство батюшка не претендовал, а деньги певчим обещал неплохие, «лёд тронулся» и мы поладили. Хор, хоть и не полный, собрался довольно скоро. Репетиции проводились регулярно и к Пасхе 1992 года мы в основном смогли подготовиться. Осветили Казанскую церковь на Вербное воскресенье. Накануне, отслужив праздничное всенощное бдение, я слёг с температурой под сорок, и Литургию наутро пел, плаваясь от жара, как стойкий оловянный солдатик. Службы Страстной седмицы для нас начались с Великой Среды, и мы, практически ничего не зная о структуре этих богослужений, пели, порой читая «с листа» ещё невыученные песнопения. Певчие, в основном мои друзья и сокурсники, смотрели на своего дирижёра, как на подвижника и я старался не ударить в грязь лицом. В ночь на Великую субботу служили Погребение. На так называемых статьяx этого чина исполняли трио – музыку трогательную и удивительно красивую, а затем сразу же начиналась служба Великой Субботы. Домой, отдыхать, шли с красными от недосыпа глазами, но в приподнятом настроении, ведь близилась наша первая Пасха – Великий Праздник и великое испытание. Пели мы в ту пасхальную ночь с каким-то особенным чувством. Создавалось впечатление, что хор на самом деле обретал ангельский чин. И действительно, уставшие и переболевшие за неделю, едва стоявшие на ногах от напряжения, мы словно утратили плоть, исполняя пасхальные гимны, казалось, не голосовыми связками, а самой душой...

За праздничной эйфорией пришли праздничные же будни. В течении всей Светлой седмицы мы регулярно, дважды в день, выходили на службы. Если учесть, что на Украине только понедельник, следующий за Пасхой, является выходным, то станет понятно, чего нам стоили эти службы. Все, кроме студента Санечки Корзаченко, работали. Кто в музучилище, кто в детской музыкальной школе, а наш бас Валера, будучи врачом, вёл приём в поликлинике ещё работающего Черниговского радиозавода. Я разделил

ребят на квартеты и Литургию каждое утро мы пели вчетвером (я же старался за себя и «за того парня», в смысле за Валеру Друговского). Выдержали и это, тем более, что поздравил нас настоятель со Светлым Праздником, весьма щедро снабдив деньгами, вернее купонами, которые в те годы заменяли настоящие деньги на Украине. Постепенно весь хор увяз в богослужениях, как муха в сиропе. Левого хора отец Николай не собрал, и мы служили не только воскресные, предпраздничные и праздничные службы, но и заупокойные субботние богослужения. Практика была потрясающая, но свободного времени и сил практически не оставалось, потому что раз в неделю я собирал ребят на спевку. Репетиции для хора это святое, так как хор, инструмент, нуждающийся в еженедельной настройке. Да и репертуар необходимо было расширять. Получали мы фиксированную ставку и через пару месяцев поняли, что перерабатываем. А тут ещё летний отпуск весь прошёл на клиросе. Нет, певчие куда-то ездили отдыхать, а вот я продолжал оставаться всё тем же стойким оловянным солдатиком...

Кстати, летом мы смогли сделать ещё один творческий рывок – спеть архиерейскую службу. Было это на праздник Казанской иконы Божьей Матери. Всего за полторы недели до праздника, как всегда скромно, отец Николай, преданно глядя мне в глаза, сказал: «Владыка хочет у нас послужить на престольный праздник (вернее, я его пригласил). Вы справитесь со службой или приглашать архиерейский хор?». Я ещё только собирался ответить, как он, как бы извиняясь, добавил: «Правда, им надо хорошо заплатить...». Понятно, что весь хор с энтузиазмом кинулся «выучать-выручать» молодого батюшку. Репетировали каждый день. Выучили всё, но вот опыта нам не доставало. И я отправился к Валентине Степановне – регенту архиерейского хора, где в девяностом начинал петь в басовой партии. Нужно сказать, что эта пожилая женщина не просто зарабатывала кусок хлеба на хорах Троицкого храма. Она продолжала дело покойного мужа Геннадия Герасимовича Денисюка, прослужившего регентом в Чернигове без малого двадцать лет. Личностью он был легендарной – настоящим музыкантом и истинным христианином (без «показухи»). До сих пор в храмах Чернигова и области можно увидеть ксерокопии нот с надписью в углу наискосок: «Собственность Геннадия Денисюка». Были такие ноты и в моей библиотеке, и снабдила меня ими именно Валентина Степановна. Конечно же, я очень рассчитывал на её наставничество. Помощь пришла незамедлительно. До сих пор в папке с архиерейской службой хранится листок с «пошаговым», как сейчас принято говорить, описанием всех действий регента хора на архиерейском богослужении. Мало того, Валентина Степановна, добрая душа, сама пришла на службу и, став рядом со мной, помогла справиться со всеми тонкостями облачения и прочих элементов «Архиерейского священнодействия» (именно так называется Литургия с участием Архиепископа). Нервов и здоровья я в те дни истратил - не сосчитать. Сначала репетиции, проводимые в храме. Дело в том, что свод песнопений на Литургии с участием Владыки сам по себе составляет почти ещё одну службу. Учили мы их действительно «не щадя живота своего». Потом в дом отдыха уехал мой студент и первый тенор хора Саша Корзаченко. Благо хоть санаторий находился в черниговском районе и

отец Николай обещал привезти «вашего Александра» на своей машине. И, как всегда, меня ожидали труды по расписыванию «поголосников». Партитуру архиерейского богослужения из так называемого «Лондонского обихода» ещё весной переписала Наташа Донская – певчая, перешедшая в «Казанку» из Преображенского храма. Была Наташка моей бывшей сокурсницей по музыкальному училищу и фактически являлась неформальным лидером в хоре. Именно она настаивала на самостоятельном пении в престольный праздник. И настояла. А я вымучил всех, включая собственную жену (поставив её, уже беременную, петь в альтовой партии). Вымучил, но добился пристойного звучания...

III

Нужно сказать, что моя семья была слегка ошарашена свалившимся на меня объёмом работы в Свято-Казанском храме. Накануне освящения церкви, когда я то пропадал на спевках, то не вылезал из-за письменного стола, жена Иришка с горечью заметила: «Я не выходила замуж за регента...». Мама же просто, со свойственной её характеру решительностью, собиралась принимать экстраординарные меры по ограничению моей нагрузки. Я действительно «валился с ног». Ведь основная работа в родном музыкальном училище требовала не меньше сил и времени, чем служба в храме. В общем, как говорят церковные люди, начались искушения. Да и хор, вернее пока ещё ансамбль, насчитывающий уже девять человек, начинал потихоньку роптать. Нужно было срочно что-то предпринимать. К осени мы, пригласив отца Николая на трудный разговор, смогли уговорить его ввести оплату за каждый выход. А я, проявив тогда несвойственную мне настойчивость в общении с руководством, отдельно оговорил себе учёт работы по двум категориям – как регенту и как певчому, потому что частенько пел басовую партию сам. Сразу же, чудесным образом, уменьшилась рабочая нагрузка. В пятницу вечером и утром в субботу стали петь студенты Черниговского епархиального духовного училища, которых, за «спаси Господи», сметливый настоятель стал регулярно приглашать на клирос. На той же исторической «хоровой конвенции» договорились расширить состав хора, чтобы служить по очереди, не отпрашиваясь с работы и учёбы. Решающие всё кадры, я черпал опять же из круга друзей и бывших однокурсников, а так же из студенческой среды музыкального училища. Так в хоре появилась Марина Гречко- бандуристка и моя «однокашница», с которой я вместе работал в Любече ещё до чернобыльской трагедии, загнавшей меня с женой в Якутию. Партию баритона стал исполнять студент третьего курса музучилища Саша Шахимов – талантливое дитя такжикско-украинской семьи (союз возможный только в годы советского интернационала). Именно в таком расширенном составе мы и прорвались на сцену Черниговского областного театра, где епархия праздновала тысячелетний юбилей. Выход на широкую публику действительно напоминал партизанский рейд. В программу концерта епархиальных хоров нас почему-то не включили. Тогда, вспомнив вечную солдатскую мудрость «не спрашивать разрешения, а делать пока не

запретили», я решил выйти на сцену без ведома организаторов праздника. Мобилизовав весь опыт армейских «самоходов» и сдачи экзаменов без подготовки, я привёл людей в театр и заявил дежурному вахтёру, что произошла ошибка – нас почему-то не включили в списки выступающих, и нам необходимо помещение для переодевания и репетиции. Страж входа в храм искусства, ещё не привыкший к большим публичным епархиальным празднованиям, безропотно выдал ключ от большой гримуборной на втором этаже. Переодевшись и распевшись, мы затаились в засаде. Когда началось второе отделение, где собственно и предстояло блистать церковным хором со всей области, я подошёл к ведущему концертной программы. Между нами состоялся короткий, но результативный разговор:

- Скажите, пожалуйста, каким номером выступает хор Казанского храма?

- А Вы кто такой?

- Я регент!

- Нет у меня в списке никакого «Казанского» хора...

- Видимо произошла ошибка. А Вы поставьте нас в конце программы. Мы ведь ни на что не претендуем...

- Вы думаете, это будет удобно?

- Абсолютно! Давайте я Вам запишу точное название коллектива, имя, фамилию руководителя и программу...

Дальше всё пошло «как по нотам», без сучка и задоринки. Поставленным баритоном ведущий объявил: «На сцені хор Свято-Казанського храму». И вот пред очами почтеннейшей публики предстало десять человек во главе с бородатым регентом. По залу прошелестел смешок. «Художній керевник та дерегент Андрій Соболев!», - продолжал громыхать в микрофон за сценой ведущий. «Андрій Соболев – «Поліелей», - объявил первый номер голос за кулисами. Я задал тон, сделал первый ауфтакт, и мы запели...

Конечно же, нужно обладать особой наглостью, чтобы не только прорваться на лучшую сцену города, а ещё и открыть выступление произведением собственного «разлива». Но меня просто несло. Хотелось заявить не только о новом коллективе, но и о себе. Возможно, потому что я всегда сомневался в своих музыкально-творческих силах. Сомневался, даже окончив консерваторию...

А ребята в тот день пели замечательно! И зал оценил и нашу смелость, и чистоту интонации, и отчётливо выраженные нюансы. Аплодисменты носили явно дружелюбный характер. А ведущий уже объявлял второй номер – «Ангел вопияше» Мусоргского. Это был наш хит. В Чернигове ещё никто не то что не пел, а даже не слышал песнопение этого автора. «Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дево, радуйся, и паки реку: радуйся!», - запели тенора и женский состав хора. «Твой Сын воскрес тридневен от гроба, и мертвыя воздвигнувый, людие веселитесь.», - мягко вплели в музыкальную ткань свои голоса басы. Музыка надвигалась, как лавина. И уже не имело значения сколько человек пело на сцене. Казалось, Вселенная радуется и ликует вместе с певчими и дирижёром: «Ликуй ныне и веселися, Сионе. Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о восстании

Рождества Твоего!»). На высшей точке песнопения я снял звук. Зал, сначала на мгновение замерев, загрохотал настоящей овацией. Растерянные, даже не предполагавшие такого успеха, мы покидали сцену. За кулисами на меня с объятиями набросился Шурик Мельник из Нежина – мой почти сокурсник по консерватории (поступали вместе, но он сразу на второй курс, так как получал второе высшее образование). Шура, не находя слов, в восторге вдруг поцеловал мне руку, державшую камертон. И в этом не было никакой экзальтации. Он лобзал руку, открывшую ему ТАКУЮ музыку. Когда речь вернулась, бывший соученик потребовал, чтобы я ему обязательно прислал ноты. На обороте бумажной иконки, которую всем дарили в этот день, Шурик написал адрес. Образок этот, как свидетель нашего успеха, жив до сих пор. На нём изображены святые черниговской земли – Черниговский князь Михаил и боярин его Феодор, а так же Святитель Феодосий (Углицкий). Думается мне, что без их участия и молитв в этот день никак не обошлось...

Отмечали первую сценическую удачу дома у Санечки и Манечки Тарабукиных – моих настоящих друзей, соратников и, разумеется, бывших однокурсников. Застолья практически не было, нам просто хотелось общаться и смаковать каждое мгновение успеха. Оставив ребят праздновать, я поспешил домой, чтобы рассказать всё изрядно волновавшейся жене и, конечно же, позвонить маме, переживающей все мои взлёты и падения, как свои собственные. Радость, бродившая по всем закоулкам организма, так и не дала мне в ту ночь нормально заснуть...

IV

Радость, как оказалось, переполняла не только наш хор и меня, его руководителя, но и отца Николая. На следующий день он восторженно рассказывал о реакции публики на наше выступление. Сияя, благодарил «за службу» свой «личный состав», словно командир после успешной военной операции. Ещё бы, такой «пиар» возглавляемого им причта! Казалось, назревавший конфликт рассосался сам собой. В хор пришли ещё две певицы. Огромный интерес к духовной музыке проявляла выпускница легендарной тридцать первой школы, где хоровые занятия были частью расписания, а музыка – основой учебного процесса. Директор школы – учитель пения, сумел создать в обыкновенной десятилетке на окраине города настоящий центр музыкального образования и воспитания, добившись статуса углублённого изучения предметов искусства. Выпускники этой школы поступали на хоровое отделение музучилища фактически вне конкурса и сразу на второй курс. Лена Могильная, пожелавшая в начале просто попеть на службе, уже хор не покинула, а стала ещё одним единомышленником и соратником (если так можно сказать о симпатичной девушке). На место, уехавшей на учёбу молодой преподавательницы музыкально-теоретических дисциплин, в хор пришла ещё одна моя однокурсница – пианистка Наташа Насвит, носящая, правда, теперь фамилию Волкова. Не имея большого голоса, она прекрасно ориентировалась в партитуре любой сложности и идеально «держала партию». Надо ли говорить, что репертуар наш рос и

усложнялся прямо на глазах. На подъёме прошла служба осеннего праздника Казанской иконы. Всем запомнилось, как я, наводя порядок в партии сопрано, швырял в солистку, Наташку Донскую, сорванный с шеи галстук. Наталья только что вернулась из челночной поездки в Польшу и, видимо надышавшись вольным панским воздухом, вступила со мной в дебаты прямо во время Литургии. Калечить бывшую сокурсницу и лучший голос хора мне не хотелось, а к порядку призвать её было просто необходимо. Вот и родился такой необычный способ руководящего одёргивания. Эти Наташкины поездки в страну победившего пофсоюзного движения, буквально вырвали из наших рядов Валеру Друговского – основу басовой партии и главного врача коллектива. Съездив с давней подругой Донской в Люблин, Валера познакомился там с правящим православным епископом Авелем и тот пригласил его жить в епархии и петь в хоре кафедрального собора. Валере было, по большому счёту, нечего терять, кроме, к тому моменту не приносящего дохода, фанандоскопа, и он поспешно покинул республику победившего национализма. Пришлось на его место срочно брать странноватого баяниста Колю с, не менее чем он сам, странной фамилией Невшупа. Коля не без труда влился в коллектив, но основная вокальная нагрузка басовой партии вновь легла на мои скромные голосовые данные.. Близились Рождество, и мы с радостью разучивали праздничные песнопения. Жена моя тоже собиралась рожать. Мы знали, что в мир рвётся девочка, и уже подобрали ей имя – Анастасия. Алёша, наш первенец, предчувствуя появление нового «солнышка» в семье, потихоньку тосковал. Новый год мы с Ирой и Алёшкой ещё встречали вместе, а в ночь с четвёртого на пятое января, аккурат под праздник своей святой, родилась Настенька. Рождество прошло вне семьи, вернее в другой – хоровой семье. Всенощное бдение закончилось в девять часов вечера. На улице был небольшой мороз, и мы в предпраздничном восторге шли по улицам затихающего Чернигова с пением колядок. Лена Могильная, недавно сдав на «отлично» зачёт по «народному творчеству», решила, что петь колядки помимо сбора средств, просто предосудительно. Сорвав с себя шапку, сияя, как в украинской песне «карими очами», и пылающими щеками подтверждая греческое значение своего имени, Елена подходила к прохожим и людям, стоящим на остановках с рождественскими поздравлениями. Народ, включая даже двух чернявых, явно не славяно-христианской наружности кавказцев, щедро сыпал деньги в вязаную девичью шапочку. Финальным аккордом было колядование во дворе моего дома. Соседи, услышав стройное пение, выскочили на улицу и нагрузили нас продуктами и спиртным. Пришлось подниматься в нашу квартиру и накрывать стол. Вообще-то праздник ещё не наступил, но поскольку в том 1993 году ещё не возродилась в Чернигове традиция встречать Рождество, как и Пасху в храме, мы оказались в довольно двусмысленном положении. Праздник как бы и наступил и не наступил. Понятно, что молодёжный состав хора очень быстро решил проблему в сторону «Праздник наступил». Был накрыт стол, деньги, следуя классической схеме, обращены в спиртосодержащий товар, и праздник действительно наступил. Наступил, потому что засиделись мы далеко за полночь. Мужской состав хора проводил всех сопрано и альтов по домам, а

на утро не выспавшиеся и слегка осипшие (а нечего горланить на улице!) мы все встретились в храме на праздничной Литургии. К тому моменту уровень нашего исполнительского мастерства уже позволял даже худший вариант пения оценивать окружающими как хороший. Так что праздник мы не испортили...

V

Наш творческий и исполнительский рост радовал не всех. В каждом храме есть блюстители благочиния, строго следящие за тем, чтобы и распев был такой как надо, и одежда певчих, как говорится, соответствовала, и поведение не подводило. В Казанском храме таким ревнителем благочестия выступал отец Анатолий. Сын священника, в прошлом фельдшер и художник, он сам по слуху прекрасно пел и полагал, что настоящее церковное пение должно быть без изысков, то есть предельно простым, или как мы говорим – обиходным. Его слово много значило в приходе, ибо был отец Анатолий не только старше нас и самого настоятеля, а ещё строг и сдержан, как и подобает истинному борцу за правое дело. Правду батюшка начал отстаивать ещё в бытность свою дьяконом и, как водится, сильно пострадал. Однако Господь всё расставил на свои места – виновные были наказаны, а дьякон-правдолюбец восстановлен в служении. Тут как раз началось возрождение Свято-Казанского храма и отец Анатолий, по благословению Владыки Антония, погрузился в строительно-ремонтные работы. Руки у него действительно были золотыми. Весной, перед Вербным воскресеньем, очень быстро был собран иконостас, сооружён клирос, и уже к лету с права и с лева от Царских врат появились, написанные рукой отца Анатолия, образы Спасителя и Богородицы. А к первому престольному празднику и икона Казанской Божьей Матери. Творил батюшка в реалистической, чуть с налётом романтизма, манере. Перед Рождеством отец Анатолий порадовал нас великолепной запрестольной фреской. Нам его работы очень нравились, да и человек он оказался очень интересный. После того, как отца Анатолия рукоположили в иереи, он стал неформальным лидером в приходе. Разумеется, это не очень-то устраивало настоятеля – ещё очень молодого и неопытного, но весьма амбициозного священника отца Николая.

А коллектив тем временем осваивал всё новые вершины русской духовной музыки. У меня, как говорится, давно чесались руки заняться творческим наследием Дмитрия Бортнянского. Его хоровые концерты являют ярчайший пример уникального свойства русской культуры ассимилировать любое, пришедшее из вне, явление искусства. Именно он - Дмитрий Степанович Бортнянский, сумел сделать исключительно русским блестящий стиль итальянской музыки XVIII века. Начали мы не с бирюлек, а с одного из самых сложных концертов «Блажен муж, бойся Господа». Работали два месяца, не покладая нот, и после одной из литургий, в качестве запричастника, исполнили шедевр русской хоровой музыки эпохи Екатерины Великой. Отец Анатолий сразу же насторожился. Его смутила двойная fuga в финале произведения. «Что это вы там заладили: «облеку студом, облеку

студом...?», - строго и недовольно спрашивал он меня. «Батюшка, это же fuga, да к тому же двойная», - оправдывался я. «Какая такая ещё fuga?!», - возмущённо вопрошал священник. Объяснить отцу Анатолию законы полифонического развития музыки, подразумевающих многократное повторение одной фразы из текста, оказалось для меня непосильной задачей. Так и повелось с тех пор – если мы пели этот концерт, то во время исполнения финальной фуги из алтаря обязательно скорбно и с осуждением выглядывал наш талантливый, но музыкально необразованный оппонент. Отца Николая, как нам казалось, это забавляло, и он всегда становился на нашу сторону. Как оказалось, не забавлялся наш очаровательный настоятель, а потихоньку интриговал против Анатолия. Но мы этого тогда не понимали – были заняты своим творчеством...

Кроме богослужений в храме мы освоили ещё одну сферу певческого служения – отпевание усопших. Началось всё неожиданно. Прямо на спевку примчался отец Николай. «Ребята, вы за два дня сможете выучить чин отпевания и погребения?», - спросил он. Мы невразумительно отвечали, что, мол, постараемся. «Нет, мне точно нужно знать!», - твёрдо заявил настоятель. «А что случилось?», - попытались прояснить обстановку певчие. Оказалось погиб один из «братков» двух, соперничавших в Чернигове, «группировок организованной преступности». Почему-то именно к отцу Николаю обратился авторитет, от упоминания имени которого в те годы трепетали не только простые горожане, но и блюстители закона. Дело было не шуточное. Мы даже представить себе не могли, чем всё это может обернуться для нас и прихода, если что-то не устроит «заказчиков». Панихида была выучена в рекордно короткие сроки. «Робин Гуд» дикого капитализма остался доволен, и с тех пор взял шефство над храмом, поддерживая солидными суммами и приходское хозяйство и самого настоятеля. Ну а мы с тех пор очень часто выезжали на отпевание, к счастью в основном не к криминальным авторитетам, а к простым людям. Поначалу всем было как-то не по себе, но отец Анатолий сказал, что нечего, мол, бояться мёртвых – живые гораздо опасней. Жизнь это тут же и подтвердила. Близился памятный октябрь 1993 года. Весь мир смог убедиться насколько опасен всего один живой и вечно похмельный президент...

Время шло, приблизилась вторая наша общая Пасха, которую мы отслужили практически без ошибок. В городе стали говорить о хоре Казанского храма, как о перспективном коллективе с оригинальным репертуаром. Образовался и «клуб фанатов». В приходе появилась одна энергичная старушка, у которой было богатое певческое прошлое. Выяснилось, что почти пятьдесят лет она провела на клиросе и знала все партии традиционно исполняемых песнопений богослужебного годового круга. Она перед Литургией всегда поднималась на клирос и как знаток заказывала запричастник (хоровой концерт). После службы громко нас хвалила, восклицая: «Герои, герои!». Возгордится у нас никак не получалось, потому что фрикативное украинское «Г» придавало комичность всему панегирику. Бабушка была очень трогательна. Она рассказывала нам множество историй из своей церковно-творческой биографии, всячески старалась поддержать нас в трудах и обязательно приносила какой-нибудь

гостинчик – то яблочки, то конфетки. Прихожане уже вошли во вкус хорошего пения и, не стесняясь, перед Литургией заказывали нам «Херувимские», «Милости мира» и «Достойно есть». Казалось, что так будет продолжаться всегда. Но не тут-то было...

VI

Ещё зимой от нас ушёл Саша Шахимов. Настоятель Свято-Воскресенского храма отец Иоанн пригласил его возглавить хор. Я сам настоял, чтобы талантливый мальчишка дал священнику положительный ответ. Маленький, щедушный и разгильдяестый Сашка оказался прекрасным хормейстером. Он собрал вокруг себя в основном сокурсников и молодёжь. Несколько месяцев спустя, в Воскресенском храме уже пел настоящий хор – гибкий, выстроенный и послушный воле дирижёра. Ну а я вновь остался с «полураздетой» басовой партией...

Потом в нашу жизнь всё явственней стала вмешиваться инфляция. Не просить о повышении выходной ставки было невозможно, и, почему-то, каждая такая просьба воспринималась настоятелем, как личная обида. Я, вечный Дон Кихот, предлагал не повышать ставку регента, но поддержать поющих в хоре людей. И если поначалу мои беседы с отцом Николаем носили слёзный характер, то постепенно «слеза во взоре» исчезала, а переговоры начинали напоминать профсоюзную борьбу за права трудящихся. Дело в том, что жизнь прихода всегда довольно прозрачна. Прозрачна, в том числе, и в финансовом отношении. Помните финал КВН восемьдесят девятого года? Там молодой человек, ряженный в рясу священника пел: «Переведи приход на хозрасчёт!». Так вот понятия «приход» и «хозрасчёт» всегда были неразрывны. Мы видели, куда и как расходуются деньги. И постепенно умильно-трогательное отношение к молодому батюшке исчезало. А тут ещё «бригадная эпопея», вершиной которой стала совместная поездка в Иерусалим, как писала местная газета, «парафіянина Свято-Казанського храму» и отца Николая. Поездка совершалась на деньги «парафіянина», возглавлявшего одну из самых влиятельных черниговских преступных группировок. В городе считалось, что приход «конкретно крышует» мафией. Это, конечно же, было не так, но слава о «Казанке» шла нехорошая. Настоятеля даже в церковных кругах запросто называли «Колей Казанским» и каждый его жизненный успех объясняли связями в преступном мире. И это было досужими вымыслами, но так уж получалось, что и отдельную квартиру семья отца Николая получила, как-то обойдя законную очередь, и ремонт там сделала несусветно дорогой. Кроме того, всплыла история с росписью храма. Отец Анатолий просил оплатить ему материалы и краски. Пока не исчезли последние связи с Россией, он хотел прикупить в Петербурге, который батюшка почему-то упорно называл Ленинградом, хорошие краски, кисти и так далее. Вдруг отец Николай занял твёрдую позицию - никаких денег! Молодой настоятель пытался просчитать, сколько из заявленной суммы действительно пойдёт на оплату красок и кистей, а сколько осядет в кармане художника. В общем, ситуация в приходе стала напоминать семейные отношения на грани развода,

когда самих-то отношений почти и нет, а видимость сохраняется «ради детей».

Хор всё более воспринимался отцом Николаем, как финансовая обуза, а мои требовательные просьбы о повышении ставок жгли сердце неискушённого в хозяйственных делах священника, скрытым упрёком. Действительно, ведь я не просил повышать зарплату себе. Мы, как порядочные люди, даже и не думали как-то иначе, кроме прошений, выражать своё недовольство. Забастовка просто неприемлема в церковной жизни. Мы это понимали и надеялись, что «всё рассосётся», тем более что пели мы неплохо, и приход частично увеличивался за счёт поклонников нашего нотного обихода. В летний отпуск мы уходили с чувством радости, что хоть на месяц страсти поутихнут. Хор даже, ещё уверенный в завтрашнем дне, скинулся на пианино для Саши Корзаченко. Его учёба в музучилище начала пробуксовывать из-за нехватки классов для самоподготовки. А тут ещё работа в церкви. Карзапян в училище бежал к шести утра, чтобы занять класс с фортепиано. Порой это класс он делил с другом, опоздавшим к раздаче. Я, как наставник, предложил Саше купить подержанный инструмент в комиссионке, но он, краснея от смущения, сказал: «У нас с мамой просто нет денег». В лучших традициях соцреализма был брошен клич: «Даёшь помощь Корзапю!», работающие хористы скинулись, и летом в квартире студента уже стоял с виду неказистый (чёрный и облупленный), но вполне пригодный для занятий инструмент. Санечка обещал по возможности выплатить долг в несколько приёмов. Что там говорить, мы все в тайне гордились своим поступком. Видимо потом, эта гордыня нам и аукнулась...

А инфляция, раскрученная незалежностью, вновь нанесла удар из-за угла. Наступало время, когда месяцами не выплачивали зарплаты в бюджетных организациях. Люди, имеющие побочный приработок, выглядели счастливыми. Мы, вроде бы, тоже относились к этой категории, но заработки в «Казанке» были самыми мизерными в городе. Вставал вопрос о тихом расползании хора по более денежным и не столь обременительным в служебном отношении храмам. Больше всего в тот момент я боялся потерять хор. Согласитесь, если хор без регента ещё какое-то время может существовать, то регент без хора печальное и достойное жалости явление. Превозмогая себя, не ожидая ничего хорошего, я всё-таки отправился на переговоры с настоятелем. «Предчувствия меня не обманули» - отказ был категоричным и окончательным. Я, раздосадованный, тоже «пошёл на грозу» - предложил отцу Николаю посчитать, сколько месячных зарплат хора вбухано в его свежотремонтированную квартиру. Короче, разговор явно не получился...

Приближался октябрь девяносто третьего года. Видимо в планах «подземной канцелярии» были предусмотрены конфликты руководителей с народом. А иначе как объяснить очень схожие сценарии событий в приходе Казанского храма и вокруг мятежного русского парламента? В нашем случае обошлось без танкового обстрела, штурма и кровопролития, но ощущение несправедливости и преступной непорядочности действий вышестоящего лица было таким же, как в Москве.

VII

Ничто не предвещало бурных событий. Как всегда, в субботу за час до вечерней службы я шёл в храм. Приготовление к богослужению необходимо не только в алтаре, но и на клиросе. Продумывать обиход, сверяться с Типиконом и раскладывать ноты лучше всего спокойно, не торопясь. Тогда и служба пройдёт без суеты и нервотрёпки, а значит, среди регентских хлопот найдётся время и для молитвы. Вечер был замечательный. Осень вообще моё любимое время года. Всё бодрит – и отсутствие жары, и прощальный карнавал листвы, и особый, настоянный на запахах опадающих листьев и сырой древесной коры, осенний воздух. Подойдя к церковным воротам, я почувал неладное. Вернее, не почувал, а услышал. Из храма доносилось пение! И это пели не мои ребята. Звучал типичный левый хор и, судя по исполняемому песнопению, служба уже шла минимум минут пятнадцать. А когда я увидел примостившегося на лавочке настоятеля в предусмотрительно наброшенном пальто (на улице прохладно, а этот мятежный регент вдруг да задержится), то сомнения улетучились – нас ждали серьёзные неприятности. Минувя крыльцо я сразу направился к отцу Николаю, поза которого до смешного напоминала ленинские портреты и скульптуры, где вождь был изображаем на отдыхе в саду или в парке. Разговор начал я.

- Здравствуйте, отец Николай. И что всё это значит?

- Здравствуй, Андрей. Это значит, что тебе нужно покаяться и извиниться...

- Интересно знать, за что извиняться и в чём каяться? Мы вроде как не на исповеди...

- Ты, Андрей, непочтителен с духовным лицом. Ты требуешь повышения зарплаты и позволяешь себе обидные выпады...

- Вы, отец Николай, хотели бы, чтобы люди, за которых я несу ответственность (кстати, как и Вы), работали за гроши, но помногу?

- У храма нет денег. Потом я же тебе говорил, что твою зарплату мы в состоянии повесить.

- Меня больше волнует зарплата моих хористов...

- В любом случае, ваша работа в храме может продолжаться лишь, если ты извинишься и покаешься...

- Значит, хор Вам не нужен?

- Значит, не нужен...

Я начинал потихоньку терять терпение. «Духовное лицо» было моложе меня на пять лет и оно мне бесцеремонно тыкало, в то время когда я обращался к священнику на Вы. Потом меня раздражала эта неподражаемая манера отца Николая вести беседу. Он говорил со мной так, будто я та самая евангельская блудница, которую предстоит побить камнями, а он пришёл меня защитить, призвать к покаянию и спасению. Пришёл, правда, опасаясь за свои доходы...

Закипая, я решил обойтись без «реверансов».

- Вы, отец Николай, сейчас убиваете наше детище – состоявшийся церковный хор. Это был настоящий ребёнок. Он жил, рос, развивался. А Вы его убиваете. Да у Вас руки в крови!

- ???????

Казалось, отец Николай потерял дар речи. И очень вовремя, так как на службу стали подходить хористы. Предупреждая любые вопросы с их стороны, не затягивая бессмысленный разговор, я кратко изложил суть дела. Было понятно, что наше изгнание – дело для настоятеля решённое и выстраданное.

- Мы бы хотели забрать свои ноты. Надеюсь, Вы не возражаете?

- Забирайте, но завтра.

- В таком случае, до завтра...

Окружённый своими певчими, я направился к выходу. А в спины несло не очень стройное, но очень своевременное песнопение: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...»...

«Ну что, куда идём?», - устало спросил я у товарищей. «Конечно же, к Тарабукиным!», - за всех отвечала Наташка Донская. «Надо всё обсудить!», - пояснила она. «И действительно, пойдёмте к нам», - мягко сказала Марья. «Нам нельзя сегодня, после всего что было, разойтись просто так», - добавил Санечка. Через пол часа мы уже открывали «совет в Филях», только на столе лежали не военные карты и схемы сражений. На столе, естественно, находилась лёгкая закуска и вино. По первой, не сговариваясь, выпили молча и не чокаясь. «Ну что, всё кончилось?», - первым начал разговор я. «А что значит «кончилось»? Мы разве умерли?», - вопросом на вопрос отвечала наша солистка. «Действительно, может нас пригласят в другой храм...», - предположила Марья. «Ага, всех сразу. В любом храме уже хоть какой-то хор имеется», - засомневался Санечка Тарабукин. «А мы можем петь просто так, из принципа», - со свойственной юности бескомпромиссностью заявил мой ученик Карзапян. Остальные отмалчивались. Я решил, что почва для моего предложения созрела. Пока мы шли к моим кумовьям, пока закупали в магазине провизию, меня терзала только одна мысль: «Неужели всё зря? Разве можно вот так сразу перечеркнуть и наши труды с бессонными ночами над партитурами, и наше отношение друг к другу, и те, пусть пока скромные, но положительные результаты почти двухлетней работы, и веру, кстати, тоже?». Этот поступок настоятеля действительно был похож на убийство. Однако «заморачивать» себя типично интеллигентскими вопросами я долго не мог. Хор нужно было сохранить. Сохранить, во что бы то ни стало. Как только Саша Корзаченко произнёс ключевую фразу «Будем петь из принципа», решение окончательно сложилось. Я произнёс речь: «Друзья мои! Ломать всегда легче, чем создавать. Особенно, когда материал для ломки не сопротивляется. Петь из принципа, конечно, хорошо. Но под принципы необходимо подвести какой-то фундамент. Я предлагаю легализоваться и стать самим себе «крышей». Народ вопросительно смотрел на меня. «До сих пор мы были хором Казанского храма, и наши интересы представлял отец Николай», - продолжал я. «Что нам мешает представлять свои интересы (а наш интерес - продолжать заниматься творчеством) нам самим?». И сам ответил на свой вопрос: «Нам необходимо официальное

название, Устав и регистрация в качестве общественной организации». И завершая предложение, как педагог, подал друзьям опорный сигнал: «Вспомните «Контору по заготовке рогов и копыт»!

Аплодисментов я не ожидал, да их и не было. Все, постепенно загораясь идеей, начали обсуждать и саму возможность такого выхода из ситуации, и принципы деятельности, и само название «конторы». Не давая потонуть замыслу в пустопорожней болтовне, я, подражая любимому командиру полка, начал ставить задачи. Во-первых – название (это можно обсудить и сейчас, под сухое вино). Во-вторых – регистрация. Необходимо много времени «бегать по инстанциям», а значит, этим должен заняться относительно незанятый человек. Бегать по кабинетам согласился Коля Невшупа. Он преподавал в сельской музыкальной школе и имел смешную педагогическую нагрузку. Стали обсуждать название. Я настаивал, чтобы в нём обязательно присутствовала конфессиональная направленность. В этом меня горячо поддержали мои кумовья - Санечка и Манечка Тарабукины. «У нас конфликт с отцом Николаем, а не с Православной Церковью», - почти с комсомольской твёрдостью заявила Маша. Вскоре определились с именем официальной организации – Православное певческое общество. Правда, смущала аббревиатура – ППО. «Похоже на Противопожарную оборону», - сострил Карзапян. «А я бы прочитал как Православное Парамоновское общество», - подхватил кум Тарабукин. Дело в том, что с младшей школы, через музучилище, армию и консерваторию я пронёс смешную дружескую кличку – Парамон. Близкие друзья ко мне так до сих пор так и обращаются. «Парамоновское – это в точку», - засмеялись все. Напряжение, наконец, было снято. «Противопоповское общество!», - продолжил фонтанировать мой студент. Но тут я руководящей десницей остановил погром православного клира. «Саша, не все священники похожи на отца Николая. Да и он просто слишком часто прислушивается к советам своей матушки. Закрыли тему!», - не совсем вежливо оборвал я ученика. «Давайте закругляться», - предложила Наташа Донская. Все засобирались домой. «Коля, когда ты сможешь пойти в горисполком?», - не давая расслабиться коллективу, спросил я добровольца. «Хоть завтра!», - отвечал тот. «Вот и прекрасно. Вечером созвонимся», - уже на ходу, прощаясь, сказал я.

Так, в соответствии с девизом подпольной большевистской газеты, из искры частного конфликта возгорелось пламя культурно-общественной и, безусловно, полезной деятельности.

VIII

Уже к вечеру следующего дня в моём распоряжении бы, взятый Колей напрокат в горисполкоме, образец Устава общественной организации. Действуя по принципу «глаза боятся, а руки делают», начал я писать Устав ППО. Через пару дней наш курьер безропотно отнёс проект в нужную инстанцию. Времена были удивительные. Наверно в органы самоуправления поступила какая-то разнарядка, касающаяся количества общественных организаций, как показателя растущей демократизации общества. Наш Устав

прошёл всего-то с третьего захода. По совету женщины, консультирующей нашу регистрацию, мы убрали из текста всякое упоминание о коммерческой деятельности, нотариально что-то там заверили, написали заявление и, «алле-оп», зарегистрировали Православное певческое общество. На последующих этапах в дело включилась моя мама. Утверждать, нарисованный нами, эскиз круглой печати и углового штампа в милицию понесла именно она. «Когда я работала в «Облремстройтресте», мы делали ремонт в ОВД. По-моему там остались кое-какие связи», - сказала мама и, надев старенькое перелицованное пальто и не первой молодости шапку, отправилась регистрировать эскизы. Что уж она там говорила ответственным лицам, я не знаю, но за регистрацию с нас даже не взяли денег! Таким же манером мама помогла нам открыть счёт в банке. В течении трёх месяцев мы стали легальной «фирмой». Главой «фирмы», то есть Председателем ППО, стал я. С тех пор так и повелось – мы с ребятами занимались творчеством, а мама всё свободное время обеспечивала творческий процесс: вела бухгалтерию, работала с потенциальными спонсорами, занималась довольно обременительной отчётностью. Откуда в пожилом и далеко нездоровом человеке может взяться столько кипучей энергии? Скорее всего, энергия эта – ни что иное, как материализующаяся материнская любовь. Она, словно атомный реактор, денно и нощно вырабатывает доброжелательность и милосердие, силы и упорство. Жаль только, что мы, дети, воспринимаем это чудо, как нечто само собой разумеющееся и начинаем ценить материнский подвиг лишь, взрастив свою молодую поросль...

Легализация деятельности дело, конечно необходимое и, безусловно, положительное. Но перед нами стал вопрос: «А как эту деятельность начать? Что делать дальше?». И тут, словно джин из бутылки, объявился Валера Друговской. Приехал он в нашу, как-то разом обнищавшую и слинявшую, Украину из Польши этаким барином, упакованный долларами и переполненный планами будущего своего процветания. Действительно, Владыка Авель, пригласивший его петь в храме, позаботился, чтобы его певчий имел и хорошую работу. Нужно сказать, что окончивший годичные курсы мануальных терапевтов в Москве, Валера, словно по волшебству, лихо вправлял съехавшие с оси позвонки и лечил самые запущенные формы остеохондроза. Поселив Валеру в епархии, епископ обеспечил поющему врачу и клиентуру – жаждущих мануального исцеления горожан славного города Люблина. Посылая звуки строго в резонаторы, Валера, как водится за столом, рассказывал нам о своём житье-бытье, и мы слушали его историю зачарованно, как сказки Шахеризады. «Нет, не может быть!», - то и дело восклицали мы. И действительно, как можно было поверить в изобилие и приличный заработок, если ты живёшь на тридцать долларов зарплаты и питаешься в основном картошкой с тёщиного огорода? В нас стало созревать неодолимое желание хоть одним глазком подсмотреть за этой другой жизнью, хоть одной ногой переступить границу. Так бывает, когда кажется, что вокруг полная «безнадёга», руки опустились, и нет сил терпеть унижение. Унижение не бедностью, а фактической нищетой. Хочется, словно горинскому Мюнхгаузену, схватившись за волосы, выдернуть себя из болота экономического и исторического абсурда и перенести на более

устойчивую почву. Есть, правда и другой путь – осушить болото, но это путь всего народа. У нас же тогда создавалось впечатление, что народ Украины не просто безмолвствует, а ещё и безумствует. Чем ещё, кроме охватившего всех безумия можно объяснить «парад суверенитетов», раздел Черноморского флота или выступление на националистическом митинге в Киеве прекрасной русской актрисы Ады Роговцевой, заявившей, что она не «російськомовна»? Куда уж там бороться. Из сумасшедшего дома, где главврачом на альтернативной основе выбрали главного психа, нужно ноги уносить...

Мы слушали Валеру и потихоньку просчитывали варианты «рывка из болота». Первый шаг сделала практичная Наташа Донская. «Валера, тебя кто в Польшу –то свозил?», - вдруг спросила она. «Ты, Наташенька!», - прогудел наш бывший бас. «А кто тебя из хора отпустил и чью сумку ты «проворонил?», - словно следователь на допросе наседала на Друговского Наталья. «Так Андрей меня отпускал и, надо сказать, сумку я его потерял», - сокрушённо отвечал Валера, вспоминая как у него, буквально из под ног на вокзале в польском Хелме спёрли сумку полную товара. Он ещё не понимал, куда клонит Наташка. «Так за тобой, друг мой, должок!», - нанесла главный удар наша предприимчивая солистка. «Ну, да, конечно», - покорно согласился Валера. «Вот и устрой нам гастрольную поездку в Польшу!», - подытожила разговор Наташа. «Договорись с Владыкой. Он тебе не откажет. А мы там, заодно, и послужим!», - «куя железо» воли Друговского, развивала успех однофамилица победителя на Куликовом поле. «Я попробую», - растерянно сказал Валера, понимая в какие цепкие руки он попал. Хор с восторгом поддержал Наташу. Действительно, если мы певческое общество, то наш путь – дорога выступлений и гастролей. А что, собственно говоря, мешает первым гастролям стать заграничными? Только отсутствие загранпаспортов у руководителя и части хористов. Согласитесь, мизерное препятствие...

IX

Буквально на следующий день, напечатав на фирменных бланках ППО письмо на имя начальника паспортно-визовой службы с просьбой выдать загранпаспорта в ускоренном темпе (ещё одна идея моей мамы), мы ринулись осуществлять свои планы. Валера смог договориться с епископом Авелем о нашем приезде. В конечном варианте договора наша поездка должна была состояться на Православное Рождество. Владыка принимал нас в Люблине и в Яблочинском монастыре. Мы должны были отслужить несколько праздничных служб и дать пару концертов. А ещё нам обещали обеспечить колядки по православным сёлам Люблинского воеводства. Не задумываясь о деталях, я готовил хор к предстоящей поездке. На счету ППО ещё не было ни копейки, по этому собирались за свой счёт. Попутно я искал кого-нибудь в партию баритона, так как Коля Невшупа, словно венецианский мавр, сделав свой дело, от поездки в Польшу отказался. Ему предложили служить регентом в одном из монастырей под Киевом. Коля бросил всё, обменял квартиру и продолжить с нами начатое уже не мог. Что же, Господь

очень быстро направил его по дороге служения и совершенства. Нам лишь предстояло этот Путь понять и обрести – дело порой на всю оставшуюся жизнь...

Как и в случае создания самого хора, все возникающие проблемы, так или иначе, разрешались. Нашёлся баритон – студент духового отделения музучилища Женя Тарунцов – юноша с явными вокальными и артистическими задатками, неуловимо напоминавший чем-то звезду голливудских комедий Джима Керри. Быстро и без проволочек были оформлены загранпаспорта. Работающие смогли договориться со своим начальством об отсутствии на период поездки. Даже финансовые проблемы не могли помешать осуществлению нашей гастрольной мечты. Недостающие «баксы» пожертвовал бывший одноклассник Валеры – предприниматель, случайно проездом оказавшийся в Чернигове. За неделю до Нового года прошёл слух, что без наличия справки о прививке дифтерита поляки через границу не пускают, а если и пускают, то за очень большие деньги. «Я укола не боюсь, если нужно – уколюсь», - цитировали мы с детства знакомые строки Агнии Барто, становясь в поликлинике в очередь в прививочный кабинет. Прививки на нас сказались странным образом. Все температурили. Как потом выяснилось, прививка была подобна «Киндер-сюрпризу» - вместе с дифтерией нам ещё вкатили и противостолбнячную сыворотку. Но на репетиции, которую я собрал в прививочный день, повышенный градус наших тел сказался положительно – пели в тот вечер мы особенно хорошо.

Через три дня после Нового года мы отправились в своё первое гастрольное турне. Валера, специально приехавший в Чернигов к празднику, ехал с нами. Мы должны были из Киева прибыть в Ковель, а уже оттуда автобусами добираться до Люблина. Экономили на всём. Так в Киев ехали с пересадками на электричках. Время позволяло, потому что поезд на Ковель шёл ночью. Прививка для многих не прошла даром. Часть людей, в том числе и я, выезжала в дорогу, слегка приболев. В Киеве на вокзале, чтобы скрасить ожидание, начали репетировать. Репетиция переросла в импровизированный концерт. Настроение у всех было праздничное, и наши песнопения имели успех. Какой-то эфиоп в восторге бросился нам подпевать: «Спаси ны, спаси ны...». На волне успеха родилось желание перекусить. Ужин спонсировал всё тот же одноклассник Друговского, который, то ли из-за своих инвестиций в наше творчество, то ли по другой какой причине уже не мог с нами расстаться. «Перекус», сдобренный хорошим «глотком водочки», явно удался. В ковельский поезд хор садился с песнями и плясками. Мы с Валерой в две глотки душевно, как нам казалось, ревели на перроне: «Прощай, любимый город». В последний момент выяснилось, что у нашего продюсера нет билета на поезд. На посадке мы заявили, что едет группа, и растерянная проводница безропотно пропустила всех в свой плацкартный вагон. Когда объявили отправление, Валера просто не вышел. Легли спать поздно. Мне дуло из щелястого вагонного окна, и я потребовал себя утеплить. Наташка Донская великодушно отдала мне свою шапочку, вязанную из ангорской шерсти. Головной убор был комбинированный и защищал от холода не только голову, но и грудь. Зрелище спящего бородатого мужика в женской шапке настолько шокировало проводницу, что она и не заметила Валеру,

мирно делившего вторую полку с Леной Могильной. Поезд, рассекая зимнюю ночную тьму, увозил нас навстречу новым, неизвестным событиям и впечатлениям...

Утром, слегка помятые после ужина на вокзале и ночёвки в поезде, мы подъезжали к Ковелю. Стоял морозный, солнечный день. После выгрузки мы перебрались на автовокзал и, сдав вещи в камеру хранения, отправились побродить по небольшому, как все западноукраинские местечки, но очень красивому городу. Импровизированную экскурсию проводила челночная бригада, ездившая осенью в Люблин. Валера и Санечка Тарабукин взахлёб рассказывали о своих приключениях в той поездке. Наташа Донская, как глава осенней торговой экспедиции и человек более опытный и хладнокровный, уточняла некоторые детали. Ближе к вечеру мы выехали в сторону бывшей братской, ныне вновь буржуазной Польши. На границе нас ждало первое испытание. Польские таможенники и пограничники затребовали взятку, так как у нас не было с собой суммы, необходимой для недельного проживания в цивилизованной европейской стране. Наш гид и проводник Друговской отправился вести переговоры с мздоимцами. «Я спевак в храме. То - есть хор церковный...», - пытаюсь избежать крупной потери денег, вальяжно объяснял наш бас. «Католики или православные?», - спросили осведомлённые «погранцы». «Православные», - отвечал наш неопытный продюсер. Услыхав ключевое слово, поляки ещё более взвинтили размер взятки. Валера отдал свои последние «баксы», и нас милостиво пропустили на площадку досмотра на предмет провозимой контрабанды. Челночный бизнес в Польше был тогда уже на излёте, и таможенники вяло, не надеясь на поживу, приступили к досмотру наших сумок. Обрадовать польских верещагиных нам было не чем. Нет, мы, конечно, везли кое-что на продажу, но много ли могут продать почти нищие работники украинских бюджетных организаций? Добила таможеню Наташка Донская. Прожив несколько лет с первым мужем-замполитом в братской социалистической Польше, сносно изъяснявшаяся на богатом шипящими согласными языке, и имевшая обширный опыт торговых украинско-польских вояжей, Наталья очень хорошо знала конъюнктуру уличного польского рынка. Кроме традиционной водки, пластмассовых цветов и ещё каких-то мелочей она везла целую сумку спичек, ещё купленных по советской смешной цене – одна копейка за один коробок. «Спички – ото контрабанда!», - с неподражаемой польской ироничной интонацией воскликнул старший таможенник и, с досадой махнув на нас рукой, прекратил досмотр. Миновав пропускной пункт, автобус повёз нас почти, что по европейской земле...

Х

Стужались сумерки. Все очень устали, но никто не спал и даже не дремал. Большинство глазело в окна, где наблюдался уже неродной пейзаж. Всё было другим – иначе возделанные поля, дома, не идущие в сравнение с унылыми хатами вымирающих украинских сёл, и, наконец, сама дорога – ни рытвины, ни хоть какого-нибудь ухабчика. «Ну что, друзья, впечатляет?», - с плохо скрываемой иронией спросил я. Вопрос был скорее риторический –

разницу между «здесь» и «там» все понимали. «Да, впечатляет, но на Родину пока ещё не тянет», - за всех отшутился Карзапян. «Европа, хоть и задворки», - подводя итог общих впечатлений, закончил Санечка Тарабукин. Здесь, ещё в нашем автобусе, мы чувствовали себя не совсем за границей. Салон вокруг заполняли соотечественники, речь, разумеется, слышалась родная, и всё напоминало скорее затянувшуюся экскурсию, чем путешествие «за кордон». Экскурсия, надо сказать, подходила к концу – нас ожидала пересадка. На автовокзале небольшого польского городка Хелм мы приобрели билеты до Люблина. Пока стояли на посадочной платформе в ожидании автобуса, нами заинтересовалась парочка немолодых женщин, какого-то почти родного божжеватого вида. «О, «кацапы» приехали», - показывая на нас, сказала одна из них. «Ну, вот и заграница...», - сказал я, и немедленно начал испытывать ностальгию. Вскоре подали автобус. Заняв места, мы постарались отдохнуть. Задремав, я погрузился в мечты об успешных гастролях и богослужениях и, спустя час, проснулся от громких голосов, заглушавших шум мотора речью сразу на трёх языках. Мои студенты, в разноречивой употребляя украинские и английские слова, активно общались с польской молодёжью, вернее с тремя её представителями – парнями, очень похожими на слушателей любого ВУЗа в СНГ. В беседе царил Лена Могильная, а Карзапян и Женя Тарунцов представляли собой некий интеллектуальный эскорт, обеспечивающий безопасность общения. Польские ребята явно старались ухаживать за Леной, и та благосклонно принимала знаки внимания. «Что же, успех уже крадётся по нашим следам», - подумал я и стал собираться. Мы подъезжали к Люблину.

За границей я был второй раз в жизни. Впервые за пределы Отечества мне довелось попасть в восемьдесят первом году, в бытность мою студентом четвёртого курса музучилища. Я тогда играл в ансамбле русских народных инструментов «Гармоника». Главным гармонистом был завуч «Бетмен». Смешное прозвище происходило от фамилии педагога – Кожан. В украинском просторечии так называют летучую мышь. Откуда у сибиряка, с явными отпечатками присутствия коми-пермяцких кровей, взялась украинская фамилия, было труднообъяснимо, но вечно хохмившая студенческая братия тут же припечатала Виктора Николаевича кинематографическим прозвищем, как говорится, в серьёз и надолго. Бетмен устроил поездку ансамбля в Чехословакию в составе черниговской делегации, направлявшейся в город-побратим Градец Кралове. До сих пор я вспоминаю ту поездку, как нескончаемый праздник – духовые оркестры на железнодорожных станциях, бесконечные банкеты, в паузах между которыми мы ещё и ухитрялись выступать. Сказка, да и только! В конечном пункте нынешнего путешествия встречи с оркестром не наблюдалось. Валера повёл всех в епархию, где нас ожидал лёгкий ужин. Затем мы отправились в гостиницу. Друговской объяснил, что Владыка оплатил наши номера, и это влетело епархии в копеечку, так как православные приходы в Польше из-за своей немногочисленности не позволяют получать большие доходы. Гостиница до смешного напоминала родные заведения такого же типа – прокуренные коридоры, общий душ и номера – «братские могилы» на пять-шесть коек. Постояльцы тоже, словно перекочевали из городов бывшего

Союза – русские, украинцы, белорусы и, конечно же, вездесущие сыны Азербайджана. Наскоро приведя себя в порядок, мы повалились спать – время было уже за полночь.

С утра Люблин постарался произвести на нас самое выгодное впечатление. В солнечном свете, город предстал пред нами во всём великолепии старой Европы. Величественные костёлы царили над узкими мощёными центральными улочками, старинные дома довольно приветливо поглядывали на нас глазами чистейших окон, а машины чудесным образом уступали дорогу на необорудованных светофорами пешеходных переходах. В епархии нас встречал сам Владыка Авель – крупный, красивый и, как оказалось, довольно молодой мужчина. Подходя под благословение, мы с удивлением обнаружили, что епископ старается избежать традиционного целования благословляющей руки. Подавая руку в сложенные крестообразно ладони, Владыка тут же заменял поцелуй архиерейской десницы энергичным рукопожатием. Отвечая на мой недоумевающий взгляд, Валера сказал: «Владыка очень скромный человек...». В древнем кафедральном соборе, где принимал нас епископ, было, чуть ли не холодней чем на улице. «А как же мы будем петь?», - спросил я. Владыка отвечал, что помещение ради нас по возможности протопят. Экономя электроэнергию, храм зимой почти не топили, благо зимы в Польше гораздо мягче, чем на Украине и в России. Позавтракав в епархии, мы отправились знакомиться с городом. И, надо сказать, Люблин нас не разочаровал. Понравилось всё – и старинный замок, и ратуша с живым трубачом в сияющих доспехах, игравшем позывные каждые шесть часов, и современная часть города с супермаркетами и широкими дорогами. Удивило лишь обилие секшопов, странноватое для старинного католического города. Девчонки, возглавляемые Донской, отправились торговать, а мужская часть хора, не унижая себя столь низким занятием, зашла в бар на одной из старинных, мощённых бульжником, улицах. Денег было мало, да и предстоящий концерт налагал определённые ограничения, и мы, выпив по кружке светлого немецкого пива, просто от полноты чувств запели одну из выученных колядок. Сидевшие в баре поляки встретили наше импровизированное выступление аплодисментами, но традиционного для советской публики жеста – угощения «на шару» - не последовало (и, слава Богу!).

Настроение в предвкушении вечернего выступления было приподнятое, тем более что по городу висели небольшие афиши, объявлявшие, что вечером, в люблинском Свято-Преображенском храме, состоится концерт духовной музыки. Побродив по городу, мы отправились отдыхать и репетировать в гостиницу. Нас ожидал первый сольный концерт...

XI

Вечером, облачившись в как бы концертные костюмы и захватив ноты, мы перебрались в здание епархии. Концерт должен был состояться сразу же после вечернего богослужения, и мы терпеливо ждали окончания службы. Чтобы народ не расслаблялся, я ещё раз заставил хор пропеть все

интонационные упражнения. Наконец за нами пришли, и мы двинулись в храм. Там уже стояли лавочки и стулья, а электрообогреватели довели температуру в помещении до приемлемого уровня. Мы вышли на солею и Владыка нас представил прихожанам. Регент местного хора объявил первый номер и концерт начался...

Публика была доброжелательна, принимали нас хорошо и где-то к середине программы обычные в таком случае волнение и скованность ушли, уступив место настоящему творческому подъёму. Да, от публики всегда многое зависит. Она может вас вознести к «вершинам творчества», а может попросту «втоптать в грязь». Руководитель художественного коллектива просто обязан, словно военную операцию, рассчитать «захват» зрителей или слушателей уже на первом этапе выступления. В том польском варианте наша творческая тактика оказалась верна: в начале - «Свете тихий» Александра Архангельского, которого многие дореволюционные регенты ласково называли «кормильцем», за тем - несколько рождественских гимнов и колядок, а закрепить успех помог уже проверенный на сцене областного театра «Ангел вопияше» Модеста Мусоргского. Всё наше выступление заняло примерно час, и, выслушав благодарственные слова Владыки, мы отправились в епархиальную трапезную. С нами на ужин пошли все священники, во главе с епископом, и часть прихожан. В трапезной нас ожидали празднично накрытые столы с постными яствами (правда, из спиртного было почему-то лишь пиво), атмосфера была приподнятой, и я наивно решил, что банкет проводится в нашу честь. Как выяснилось, церковная община праздновала крещенский сочельник. В больших польских городах православные уже давно жили по григорианскому календарю. Это автоматически решало вопросы праздничных выходных и, по мнению самих поляков, способствовало единению нации. Не знаю, как там этот факт способствовал польскому единению, но нашему удивлению не было границ. «Валера, что же ты нам ничего не сказал?», - растерянно спросил я Друговского. «Ну, я не придавал этому большого значения...», - спокойно и, как всегда, вальяжно отвечал наш невозмутимый врач. «А как мы завтра будем петь на Литургии, когда я не взял песнопения Крещения?», - продолжал я озвучивать терзавшие меня вопросы. «Да не волнуйся! Тут есть богослужебные сборники нот, как-нибудь справимся...», - успокаивающим тоном психотерапевта гудел мне на ухо Валера. «Хорошо!», - кивнул я. Однако тревога, закравшись в душу, уже не оставляла меня. Как потом выяснилось, волновался я не напрасно...

После трапезы мы отправились ночевать в гостиницу. Праздничный стол в епархии только разогрел наши аппетиты. Прозвучала историческая фраза из культовой комедии Гайдая: «Я требую продолжения банкета!». Кто первым произнёс эти, оказавшиеся ключевыми, слова я уже не помню. Но лозунг был чисто по ленински «брошен в массы» и в номере, где ночевали мужские голоса, очень быстро и, как бы само собой, организовалось теперь уже настоящее пиршество. Гуляли от души. С собой мы взяли две гитары и кларнет, чтобы поддержать этим инструментальным ансамблем голоса в процессе колядок по польским сёлам. В тот вечер всё пошло в дело. Хор объявил «пьянству бой» и, как водится, победило пьянство. Нет, никто не

напился, но праздник продолжался до глубокой ночи. Наше пение и смех далеко разносились не только по гостинице, но и, видимо, по городу. Вскоре в компанию стали проситься остальные обитатели гостиницы. Я, понимая, что застолье может перейти в неконтролируемую стадию, вежливо отказал жаждающим хлебнуть нашего веселья кавказцам и землякам-украинцам. Слава богу, обошлось без эксцессов, и в два часа ночи прозвучала моя команда: «Отбой!». Конечно же, даже в лёгком хмелю перед сном меня мучила совесть, ведь продолжался рождественский пост, и наше веселье носило не совсем православный характер. Но в то же время мы были «странствующие и путешествующие», а значит, могли рассчитывать на некоторые послабления в воздержании. Мои мучительные раздумья, был ли я на высоте как руководитель в данной ситуации, прервал крепкий сон...

Утром, легко проснувшись и освежившись положенными водными процедурами, мы, быстро позавтракав, приступили к распевке, заменявшей нам в поездке утреннюю зарядку. Через пол часа хор был готов к богослужению, и мы уже знакомой дорогой отправились в Преображенский храм. По дороге меня «продолжали терзать смутные подозрения», что внезапно появившееся накануне Рождества Крещение, не обойдётся без «сюрпризов». Так и вышло – те самые нотные богослужебные сборники, о которых, утешая меня, говорил Валера, оказались изданными в начале XIX века. В то время было принято печатать каждую хоровую партию в своём нотном ключе. Сходу разобраться в этом музыкальном шифре было нелегко. Местный хор на службу не вышел. Хорошо, что на Литургии исполняются лишь некоторые специфические Крещенские песнопения, но и их с лихвой хватило, чтобы «облажаться» по полной программе. Когда закончилась служба, мы чувствовали себя просто вывалянными в грязи. Хотелось тут же «развернуть оглобли» в направлении Родины, но нам ещё только предстояло заработать деньги на обратную дорогу...

Утешил нас Валера. Он сказал, что сборники с привычной нотацией тоже в храме имелись, но местный регент Владимир, после концерта взревновавший к нашему успеху, дал нам специально раритетные книги. Что же, чисто польское гостеприимство! Но особенно долго рассуждать обо всём этом не было времени, так как нас ожидала дорога в Яблочинский монастырь, живущий по привычному православным людям, юлианскому календарю. Там, в Яблечном, мы должны были принимать участие в Рождественских богослужениях, а уж к ним-то мы были тщательно подготовлены.

Люблин провожал нас сиянием праздничных огней сотен рождественских елей, песнями уличных музыкантов и какой-то забытой в нашей непутёвой украинской незалежности атмосферой продолжающегося праздника. На автобусные билеты ушли почти все деньги, собранные публикой на концерте. Польша уже во всю жила новыми капиталистическими ценностями, и цены на услуги здесь были отнюдь не символическими. Из рейсового автобуса мы вышли, как говорится, в чистом поле, у типично советской остановки. Там нас ждал микроавтобус, посланный Владыкой из монастыря. Вскоре мы уже подъезжали к

казавшейся игрушечно-декоративной оградой общежительного места обитания православных монашей...

ХII

Монастырь выглядел как нарядный именинный торт (настолько был он ухожен и красив). В центре территории находился храм, уместный скорее в барской усадьбе средней полосы России, потому что был выстроен он в классическом архитектурном стиле и украшен колоннадами. Слева от церкви располагались кельи, а справа – трапезная и резиденция епископа. Для жилья нам отвели целое крыло второго этажа здания, где обитали монахи. Женской, более многочисленной, группе хора досталась большая комната, оборудованная солдатскими двухъярусными кроватями. Мужчины расположились в меньшем помещении. В каждой из комнат находился угол с иконами и аналоем, для чтения псалтири и молитв. Холод в этом здании стоял невообразимый. Валера, неоднократно живший и певший в монастыре, объяснил нам, что отопление в кельях печное, а топливо дорогое (рыночная экономика!) и монахи, экономя уголь, топят раз в три дня. Я сказал, что мы не монахи аскезничать, словно Порфирий Иванов, и для полноценного вокала нам всем необходимо спать в тепле. Имея огромный, приобретённый в морозной Якутии, опыт по топке печей, я немедленно начал обогрев наших жилищ, и успокоился лишь тогда, когда за заслонками, словно в топке паровоза, загудело весёлое пламя. Через час нас пригласили на трапезу. Наступил вечер и без всяких нововведений начался рождественский сочельник.

В трапезной было людно. Большой стол был уставлен блюдами с кутьёй и тарелками с постными продуктами. Поражало изобилие рыбы, представленной на ужине и в варёном, и в жареном, и в копчёном, и в заливном виде. Хотя трапеза и была монастырской, за столом собственно монахов было немного и они как-то терялись среди множества мирян. Как выяснилось, обитель имела свои земли и получала основной доход, сдавая эти земли в аренду. Именно по этому мы не заметили множества иноков – монастырь не нуждался в большом количестве насельников. За непривычно игрушечными стенами монастыря жило всего шестеро монахов и несколько трудников. Когда-то здесь существовала духовная семинария, но по бедности её пришлось закрыть. Большинство жилых помещений пустовало, но обитель жила и окормляла все близлежащие сёла с православным, преимущественно украинским, населением. Миряне, собравшиеся за столом, и были этим самым населением. Большинство из них пело в хоре, кто-то нёс иные послушания и в преддверии праздника Владыка собрал всех «на кутью».

Помолившись, мы заняли указанные места за столом. Его Преосвященство, подмигнув, приказал подать нам минеральной воды. В бутылках оказалась водка! Епископ, дабы не смущать остальных, распорядился налить сорокаградусный напиток в невинную тару. Почему он это сделал, мы поняли лишь спустя несколько часов, зайдя в храм. А пока, под постный борщок и разнообразно приготовленную рыбку, каждая новая чарка «шла» лучше предыдущей. Наша, разгорячённая любимым русским

напитком, кампания явно способствовала потеплению атмосферы за трапезой. Владыка Авель мягко попросил нас исполнить несколько рождественских колядок. Мы с радостью запели и в ответ услышали колядки в простой, фактически фольклорной манере местного клироса. Закончив трапезу мы отправились спать. По Уставу рождественское богослужение начиналось в 23³⁰.

Спал я крепко. Сон, словно дурно смонтированный фильм, состоял из каких-то сюжетных обрывков, связанных между собой только главным героем. Там, во сне, я то дирижировал хором, то вдруг оказывался в каком-то мрачном помещении, то пел странным голосом. Из этой игры подсознания меня вывел звон колокольчика в коридоре – послушник приглашал всех на богослужение. До самой службы оставалось ещё минут сорок, и я бросился проверять, прозвучала ли команда «подъём» для всех участников коллектива. Народ, ещё храня тепло подушек и солдатских одеял, уже был на ногах. Наскоро умывшись и перекусив, мы распелись и двинулись в собор.

Храм изнутри был так же хорош, как и снаружи. Основным цветовым решением церковного убранства была позолота на белом поле. Убранные мишурой ели очень естественно вписывались в храмовый интерьер. В орнаменте на стенах мы с удивлением обнаружили свастику. «А когда расписывали храм в последний раз?», - спросил я у Валеры. «В XVIII веке...», - отвечал Друговской. И тут же тоном опытного экскурсовода объяснил, что удивившая нас орнаментальная деталь чудом спасла монастырь от уничтожения в годы Второй мировой войны. Офицер СС, командующий взрывными работами, увидав арийскую символику, отменил приказ о разрушении храма и монастыря. Вообще же, за почти трёхсотлетнюю историю обители, богослужения здесь ни разу не прерывались. Видимо полякам просто не приходило в голову использовать монастырь и храм в иных, не богослужебных целях. Хрущёвский «творческий» порыв явно обошёл Польшу стороной.

Когда мы все привыкли к обстановке, оказалось что в помещении храма холодней, чем на улице. Отопление, как и в Люблине, напрочь отсутствовало. Из рта при разговоре шёл лёгкий парок. «А как же мы будем петь?», - растерянно спросил я. «Бог поможет!», - уверенно отвечал мой кум Санечка Тарабукин. Я поспешно и слегка растерянно перекрестился. Сразу стало понятно, почему заботливый Владыка распорядился подать нам водочку за столом...

«Рты сильно не раскрывать, дышать в основном через нос!», - почти приказным тоном сказал я, и стал раскладывать ноты. Рождество в богослужебном отношении проще чем Пасха. И тем не менее, нот набралось предостаточно. Когда мы закончили приготовления, храм уже наполнился людьми. Прихожан было много. Оказывается, все они всегда приезжали из соседних сёл, и безлюдных праздников в монастыре не бывало. Вскоре из алтаря раздался возглас иерея, и началась полунощница. Потирая руки, чтобы не замёрзнуть, мы слушали чтеца. Отступать было поздно – приближалось Рождество Христово...

Встреча Рождества в храме оставляет противоречивые впечатления. С одной стороны – торжественно-взволнованное ожидание праздника, запах хвои и ладана, полумрак, согреваемый лампадами и свечами. С другой – продолжительная служба, много чтения, гул в ногах. Если вы верующий человек, то вторая, некомфортная, сторона Праздника в храме отступает на третий план. Вы встречаете Спасителя! Это событие не имеет срока давности. Каждый год Богомладенец вновь рождается, вновь Иосиф пытается сгладить неудобства вертепа, вновь приходят для поклонения пастыри и волхвы. Двухтысячелетний разрыв во времени исчезает и ты, пусть только на время службы, становишься современником маленького Иисуса и переживаешь вместе с окружающими Его людьми все подробности евангельских событий. Течения времени просто не замечаешь. Хочется продолжать петь канонические и неканонические песнопения ещё и ещё, без конца, дружно со всеми, отвечая на возгласы священника: «Христос рождается!» могучим: «Славите!».

Холод в храме после выпитого, переносился довольно легко. Я ждал нужного момента для вступления хора. Наконец псаломщик начал читать «Живый в помощи Вышнего...». По окончании этого псалма мы должны были спеть «С нами Бог» - концертное, очень торжественное песнопение, предусматривающее исполнение с канонархом (церковным солистом). И вот хор, повинаясь моей слегка замёрзшей руке, грянул: «С нами Бог! Разумеете, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!». Далее певчим предстояло лишь многократно исполнять припев: «Яко с нами Бог!». А вот «канонаршил» как раз я. Тут же напрочь позабыв о своих приказах дышать носом и не раскрывать, через чур, рты, я в полный голос стал читать нараспев: «Услышите до последних земли!». Мне хотелось, чтобы голос мой летел далеко за пределами храма, возвещая радость обретения Бога. «Могущие, покоряйтесь!», - почти оперным речитативом ревел я. Хор мягко отвечал: «Яко с нами Бог!». «Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся!», - продолжал я и вдруг ощутил, что голосовые связки начали отекать. «Додышался полной грудью, идиот!», - подумал я, и тут же мысленно взмолился: «Господи, помилуй! Укрепи...». И произошло чудо - голос вновь окреп и я не только благополучно завершил песнопение, но и без труда допел всё почти пятичасовое богослужение. Служба шла без ненужных пауз и задержек. Вместо третьего и шестого часа перед Литургией по местной и очень нам понравившейся традиции просто пели колядки. С каждым часом в храме становилось чуть теплей, но и влажность возрастала. К окончанию Литургии в церкви, словно в бане стоял пар от дыхания двух сотен людей. На моих певчих было жалко смотреть – Наташка Донская пела, привалясь к стене, у других девчонок тоже подкашивались ноги. Санечка Корзаченко, и так выглядевший далеко не богатырём, стоял бледный с синими кругами под глазами. У Валеры и Жени Тарунцова был несколько осоловевший вид. Крепче всех держались мои кумовья. Казалось в них находился мощные батареи вокальных и физических сил. Меня же поддерживал кураж руководителя, хотя запасы энергии были на исходе. После того, как мы

спели хоровой концерт, Владыка произнёс проповедь на украинском языке, где хвалил гостей с Украины за «жваві, зворушливі співи». Причастие и отпуст прошли на одном дыхании. Из церкви нас сразу же повели в трапезную. Кроме нас там разговлялись только священники и монахи. Кроме прежних рыбных и новых мясных блюд на столах стояло закипячённое пиво, «Мартини» и, разумеется, она – водочка. Мы активно налегли на спиртное и последствия пятичасового пения в ледяном и влажном от человеческого дыхания храме, казалось, прошли стороной. Уснули мы под утро. На вечернюю службу нас не поднимали.

На следующий день Церковь празднует Собор Пресвятыя Богородицы. На Литургии мы опять пели, уже не замечая холода, стараясь порадовать клир и прихожан новыми, незнакомыми им песнопениями. Вновь была обильная трапеза, а вечером мы отправились на первые заработки – хору предстояло наколядовать денег на обратные билеты. Эти колядки мне никогда не забыть! Процесс заработков был рассчитан на несколько дней, в течении которых мы должны были буквально прочесать окрестные селения, неся людям радость рождественских гимнов в обмен на польские «тысчёнцы». Епископ Авель предоставил нам мини-автобус и «Сусанина» - молодого мужчину, который знал, где в каждом селе находятся дома православных. Начали с самых дальних посёлков. Поначалу нам было как-то не по себе. Представьте, вламываться с песнями в дома совершенно незнакомых людей, да ещё и требовать за это деньги! Но, «лиха беда начало». Нас так искренне и тепло принимали, что уже в третьем по счёту доме мы махнули по рюмашке и «на бис» исполнили «Реве та стогне Дніпр широкий» (хозяева оказались этническими украинцами). Дальше мы просто вошли во вкус. Начиная играть ещё на улице, входили в дома, поздравляли хозяев с Рождеством Христовым и пели три-четыре колядки. После того, как поющих одаривали деньгами, мы исполняли изумительную колядку в обработке Кирилла Стеценко «Рождество Христовэ». Текст звучал на староукраинском языке. Почти везде нас провожали аплодисментами. Благодарные люди говорили: «У нас вже п'яшдесят років такої коляди не було!». К завершению первого колядного тура, обнаглевшая Донская предложила зайти в магазин. Легко! Покупатели и продавцы восприняли всё как должное и, как говорил незабвенный Генсек: «процесс пошёл...». В первый вечер мы объехали три больших села. Больше всего запомнилось посещение большого трёхэтажного дома. Наш уже изрядно «принявший на грудь» гид объяснил, что тут живут две семьи предпринимателей. «Раскатав губу», мы ринулись терзать, диковинный для нас в ту пору, домофон. Двери открылись и нас пустили в шикарный подъезд. Хозяева вышли из квартир вместе с детьми, и было видно, что они получали искреннее удовольствие. После четвертой колядки, оценив, наконец, уровень исполнения, мужчины послали жён за видеокамерами. Следующую порцию колядок мы выдали с учётом видеосъёмки особенно старательно. Потом было ещё непривычное для нас, но уже распространённое в Европе фотографирование со «звездами». Завершив рождественскую фотосессию, польские «буржуины» чуть замявшись, вынесли нам деньги. Мы с шумом и песнями погрузились в машину. Когда же Наталья пересчитала купюры, оказалось, что две семьи

«крутых» предпринимателей дали нам денег меньше чем давали в небогатых простых сельских хатах. «Вот оно – звериное лицо капитализма!», - заявила разочарованная Донская. «Поехали отдыхать», - устало сказал я. И действительно, для первого раза трудов, денег и впечатлений было вполне достаточно...

XIV

В монастыре, в женской келье нас ожидал накрытый стол. Дело в том, что колядовать поехали не все. Первая вылазка была осуществлена малым составом. А поскольку колядки затянулись, на монастырскую трапезу мы, естественно, опоздали. Оставшиеся певчие, решили встретить героев-разведчиков хорошим ужином. В трапезной были взяты праздничные яства, из подвала принесена квашеная капуста и солёные грибочки. Стол получился на славу! Не хватало только горячительных напитков, что сразу и было отмечено мужской группой хора. Идти просить у игумена водку, было как-то не совсем удобно, а выпить после трудов праведных очень хотелось. И тут родилась потрясающая товарно-экономическая схема. Каждый из нас вёз на продажу положенные две бутылки водки. Торговля в Люблине как-то не задалась, и у большинства стратегический запас спиртного не был истрачен. Но вот так просто взять и выпить сорокоградусную жидкость, предназначенную для превращения в валюту, мы не могли. Наташа Волкова, тоже некоторое время прожившая с мужем в Польше и поднаторевшая в рыночных отношениях, предложила из общественных денег, заработанных колядками, выкупить часть водки, чтобы стол стал, наконец, полноценным. Прикинули среднюю рыночную цену «жидкой валюты». Оказалось, что денег хватало с лихвой. Для удобства подсчётов всю имеющуюся в наличии «горілку» выставили на стол – зрелище получилось впечатляющим. Когда расчёты были окончены, приступили к трапезе.

Мы были так голодны, что убирать лишние бутылки просто не стали и сразу начали ужин. Минут через сорок атмосфера в келье стала теплеть. Рассказы колядников прерывались хохотом, так как за вечер смешных происшествий случилось немало. Потом в ход пошли гитары и кларнет Жени Тарунцова. Святки получались, что надо! На шум заглянули ребята из России, подвизавшиеся в монастыре трудниками. Увидав стол, сплошь уставленный продукцией черниговского ликёро-водочного завода, они не были в силах уйти, и мы великодушно пригласили их присоединиться к нашей кампании. Далее процесс пошёл по нарастающей. Как-то незаметно были выпиты все стоявшие на столе бутылки. Ужин явно перерастал в гусарскую пирушку. Уже намечилось и соперничество из-за дамы. Студенческая юношеская молодёжь, а именно Саша и Женя, стали бороться за симпатии Наташки Донской.

Сколько помню свою однокурсницу, столько была она окружена повышенным мужским вниманием. Вроде и не было в ней ничего особенного – высокие скулы, чуть раскосые глаза, маленький рот и природно-славянские светлые волосы. Рост, правда, был не средний и фигура по-спортивному сухощаво-подтянутая. Казалось, не Софи Лорен, но, тем не менее, исходил от

Натальи какой-то сексуальный зов. Добавьте к этому обаяние явного и яркого музыкального таланта. Её женская и просто человеческая энергетика была подобна психотропному оружию, лишавшему мужиков воли и подчинявших представителей сильного пола лишь одной страсти – желанию, если не обладать, то хотя бы находиться рядом. В общем, на Наташу подсаживались, как на наркотик. Один такой «наркоман» в коллективе уже был. Мой студент Карзапян давно писал стихи и песни, вдохновляемый необоримым женским обаянием нашего первого сопрано. Это было заметно и невооружённым глазом. Но с приходом в хор Жени Тарунцова у Саши появился соперник. Был Женька целеустремлён и настойчив в своих мужских поползновениях, но до поездки его симпатии к Наташе нам не были заметны. Однако под влиянием ряда обстоятельств, сближающих артистов в гастрольных поездках, а так же от изрядного количества выпитого, все «африканские страсти» вышли наружу. Поначалу за всем этим наблюдать было даже забавно. Женя из кожи вон лез, чтобы обратить на себя внимание главной «разбивательницы сердец» и явно преуспевал. Санечка мрачнел и на салфетках, нервно чёркая, и про себя ругаясь, писал стихи в которых, то упрекал, то проклинал возлюбленную. Корзинкин был старше Тарунцова и, конечно же, не выглядел, как «щенок о пяти ног». Первый раунд соревнований по перетягиванию Наташкиного внимания и благосклонности, благодаря стихам и песням собственного сочинения, он выиграл. Отчаявшийся Женька мигом (мы и глазом моргнуть не успели) «утопил свою страсть в вине». Налив солдатскую кружку водки, он тут же не спеша, и со вкусом выпил. Все сначала подумали, что это розыгрыш – мол, в кружке была вода. Но, сидя у печки, Женя вдруг, словно кот из диснеевского мультфильма, налился краской. Взгляд его потерял фокусировку и «гусар» поплыл...

Мы с кумом Тарабукиным мигом протрезвели (видимо сказался уже не малый к тому времени педагогический опыт) и кинулись приводить незадачливого «героя-любownika» в чувство. После того, как Женя был уложен спать, застолье перешло в стадию спокойного общения. Ребята, залетевшие к нам «на огонёк» и уже давно подвизавшиеся в монастыре, рассказали нам, что обитель известна не только своими святынями, но и легендой о приведении. Оказалось, что в годы Второй мировой войны монахи прятали от немцев сбежавшего из концлагеря советского солдата. Был он при побеге серьёзно ранен и спустя какое-то время скончался. Как монахи не уговаривали «жолнежа» причаститься перед смертью, всё равно получили твёрдый комсомольский отказ. Умерший в монастыре без покаяния солдат, по словам наших новых знакомых, так и не обрёл покоя, и превратился в призрака, скитающегося по монастырским помещениям. История имела успех. Карзапян и Вера с жаром начали обсуждать реальную возможность «гостя из другого мира». А мы, люди постарше, не приняли историю о призраке в серьёз. Поколовродив ещё с пол часа, народ решил отойти ко сну. Спустя час после отбоя, мучимый нетрезвой совестью Саша Корзаченко, вдруг ринулся в женскую келью просить прощения за пьяную корриду двух влюблённых. Нужно сказать, что в наших комнатах было очень тепло, правда, благодаря тому, что мы сожгли почти месячный запас

монастырского угля. А вот в коридорах стоял просто могильный холод. Сашка, добросовестно сохраняя необходимое коллективу здоровье, отправился к девчонкам, облачившись в толстую кофту домашней вязки. Правда, при этом он почему-то забыл надеть штаны. И без того похожий на циркуль, Карзапян обрёл почти клоунский вид. Мы, остальные не спящие обитатели мужской кельи, даже и предположить не могли, что Сашка идёт в таком виде наносить визит дамам. Когда из второй комнаты раздалась первая волна женского смеха, мы насторожились. Второй всплеск веселья в женской келье поднял нас на ноги. Войдя на женскую половину, мы тоже покатались со смеху. Представьте себе Дон Кихота, почему-то забывшего одеться, но, тем не менее, вышедшем в свет. Корзинкин же, не без влияния «принятого на грудь», откровенно не понимал причин нашего веселья. «Так, всем спать!», - уже просто приказал я и спустя десять минут народ угомонился.

XV

Утром нас разбудил крик Карзапяна. Бледный и помятый он сидел на постели и указывал на огромное, наверное, ещё тридцатых годов, кресло-кровать. «Я видел его!», - без конца повторял Сашка. «Кого?!», - недоумевая спросонок, наперебой спрашивали мы. «Призрака-солдата!», - отвечал мой незадачливый студент. «Надо меньше пить!», - хрестоматийной фразой отвечал Саша Тарабукин. «Да, нет же! Он в кресле сидел. Я просыпаюсь, а он сидит...», - пытался убедить нас Карзапян. «Хорошо, сидел. Почему бы призраку не полюбопытствовать: «кто обитает в жилище моем?», - тоном психотерапевта сказал Валера. «Так, всем приводить себя в порядок!», - сказал я. «И никаких «Призраков оперы!», - добавил мой кум.

К завтраку вышли не все, но сердобольные монахи, понимая состояние людей, активно отмечающих Святки, принесли множество снеди в женскую келью. Завтрак таки состоялся. Вернулся, задержавшийся у Владыки Валера. «Сегодня едем в другую сторону. Там тоже есть православные», - сообщил он нам. Решили до обеда провести спевку и отдохнуть – работа вечером предстояла нешуточная...

Когда наступили, скорые на руку, зимние сумерки, мы были готовы ко «второй серии» наших «приключений колядовых». Машина уже ждала. На этот раз желание ехать изъявили все. Битком набитый микроавтобус выехал за монастырские ворота.

В этот раз обошлись без провожатого. Не потому что интуиция была сверхъестественной, а просто «Сусанин» к окончанию вчерашних колядок был почти нетранспортабелен. Решили заходить во все дома, так как в католических нас тоже принимали «на ура». Наш «поход за зипунами» прошёл без приключений. Мы действовали отработанными приёмами и провели «операцию» довольно быстро и результативно. В монастырь вернулись довольно рано, и Владыка пригласил нас к себе поколядовать. Мы честно исполнили всё что знали, и епископ остался доволен, щедро одарив нас деньгами. Мудрый человек, он понимал, что деньги должны быть не подарены, а заработаны, и, приготовив для нас изрядную сумму, создал

ощущение заработка, лишив мзду привкуса подачи. До сих пор самым ярким польским впечатлением для меня остаётся Владыка Авель – милосердный и мудрый управитель своей паствы, несущий Крест своего служения в стране, где православные считаются христианами «второго сорта»...

Ужинали мы в трапезной. Общение за столом было оживлённым и мы ближе смогли познакомиться с немногочисленной братией монастыря. Особенно запомнился иеродиакон с Украины. Придя в монастырь и приняв постриг, он выбросил свой паспорт в Буг, протекающий неподалёку от монастырских стен. «Зачем монаху паспорт?», - спрашивал он нас, лишней раз, утверждаясь в правильности своего решения. Валера Друговской где-то таки «цепанул вирус» и сидел, покашливая и шмыгая носом. Один из священников посоветовал по примеру царя Соломона обложить нашего баса женскими молодыми телами, дабы мощная сексуальная энергетика дала стимул измученному иммунитету. Посмеявшись, обошлись водкой, горчичниками и американским аспирином. Помогло, и к утру Валера был бодр и свеж. Думаю, что не обошлось здесь без усиленных монашеских молитв, о которых по скромности умолчали насельники приютившей нас обители. Да и рецепт от царя Соломона, кажется, был своеобразной «дымовой завесой», призванной скрыть молитвенное радение скромных насельников монастыря.

Завтрак прошёл в одиночестве, так как все монахи во главе с Владыкой отправились по дальним православным сёлам с богослужебно-праздничной миссией. Воспрянувший от «хворобы» Валера, предложил нам прогуляться по лесу, окружавшему монастырь с трёх сторон. Погода стояла пасмурная, но мы с удовольствием отправились на прогулку «размять косточки». Уже через десять минут мы оказались на берегу пограничного Буга. Оказывается, когда-то река протекала по другому руслу и огибала монастырь с противоположной стороны. В начале XX века братия, жалуясь на паводки, предложила жителям окрестных сёл выкопать новое русло. Сказано – сделано, и к началу Первой мировой войны Буг стал огибать монастырь с другой стороны, перестав доставлять хлопоты паводковыми водами по весне. О промыслительности данной «переброски русла» задумались позже, когда Западную Украину присоединили к Советскому Союзу. Границу провели по реке, и монастырь оказался на польской территории, где хоть и были притеснения православных, но никому в голову не приходило проводить пресловутую политику «воинствующего атеизма». Чудо? Безусловно!

В лесу было по-осеннему бесснежно. Пахло прелой листвой. Казалось, что здесь не только редко ступала нога человека, но и пограничника. Мы, нарушая все приграничные порядки, зашли за полосатые пограничные столбы с польскими орлами и, провожая взглядом быстро текущие воды не замёрзшего в эту зиму Буга, постояли на берегу. Кстати, именно за линией пограничных столбов располагалась одна из двух лесных «капличек». Поначалу мы решили, что это часовни, но наш восставший с одра болезни басистый гид сказал, что мы находимся возле алтарей. Когда летом на престольный праздник монастырь до отказа наполняется

паломниками, часть богослужений проводится в лесу. Алтари импровизированных храмов находятся внутри «капличек» (створки распахнутых дверей образуют иконостас), а молящимся стенами храма служит вековой буковый лес. Под впечатлением Валериного рассказа нам тоже захотелось совершить нечто сакральное-паломническое. «Ребята, - сказал я, - Давайте вспомним, что мы начинались как хор Казанского храма. У меня есть иконка Казанской Божьей Матери, и я предлагаю пройти по берегу с иконой и пением тропаря!». Достав из внутреннего кармана куртки небольшую, в окладе, Казанскую икону, я возглавил процессию, и мы, не спеша, двинулись вдоль берега. «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго...», - пели мы четвертым гласом тропарь праздника Казанской иконы. Свежий, чуть морозный лесной воздух, казалось, вливал в нас силы, а еле слышное журчание Буга служило прекрасным аккомпанементом. На нас снизошло состояние тихой радости. Куда-то ушли все заботы непростой поездки, «выверты» моих влюблённых мальчишек и суета заработков денег на обратную дорогу. Мы, наконец-то, почувствовали себя настоящими паломниками, а не гастролёрами и обрели мир в наших издёрганных за эти дни душах.

XVI

Вернувшись с прогулки, ставшей импровизированным крестным ходом, пообедав и отдохнув, мы собрались на наш колядный «дембельский аккорд». «Неопылённым» оставалось только одно близлежащее село. Туда отправились пешком. Петь не хотелось категорически. «Надо себя заставить, ребята», - убеждал нас Валера. Мы и заставили – не доходя до селения километра полтора, остановились и приняли допинг. В качестве допинга служила всё та же недопитая накануне водка. Закусили монастырскими огурчиками, которые прихватила с собой добычливая Вера, и, подстёгиваемые тёплой волной, разливавшейся по крови, двинулись покорять сердца и кошельки польских обывателей.

Первый же дом, куда с песнями и прибаутками мы зашли, оказался католическим, но принимали нас более чем хорошо. Удачное начало придало нам куражу и сил. Словно охотничьи собаки, мы прочесали челночным методом весь населённый пункт. Трофеи были неплохими, и «неоколядченным» оставался лишь один, стоящий чуть на отшибе дом. «Может, ну его этот дом...?», - полу вопросительно, полу утвердительно сказал я. «Нет, раз взялись, то надо идти до конца!», - за всех отвечал Валера – наш непререкаемый авторитет в нелёгком деле рождественского нищенства. На улице уже было темно. Дружно вздохнув, весь колядный отряд направился к последнему на селе строению. «Добрий вечір тобі, пане господарю!», - запели мы, и вошли во двор. Странно – нас никто не вышел встречать. «Давайте сами в дом!», - басом распорядился Друговской, и мы с пением вошли в сени. Тишина! Открыв дверь, ведущую в жилую половину, мы обнаружили равнодушных к нашему пению хозяев. Пожилая женщина что-то стирала в тазике, а её муж смотрел телевизор. Предполагая, что живые и трепетные исполнители гораздо лучше явно документальной передачи,

транслируемой по телевизору, мы вновь грянули очередную колядку. В ответ тишина. Хозяйка, как ни в чём не бывало, продолжала стирку, а мужчина так и не оторвался от мерцающего экрана. Мы начали постепенно заводиться. Дело уже было даже не в деньгах. Привлечь к себе внимание стало просто принципиальным вопросом. С нарастающим раздражением мы пропели весь свой колядный репертуар. Хоть бы хны - картина оставалась прежней! Уйти ни с чем для нас означало просто потерю лица. Мы начали петь богослужебные произведения из рождественской службы. Это возымело действие – хозяйка, наскоро обтерев руки о передник, вышла в другую комнату и вернулась, неся в руках немногочисленные купюры. Хозяин в это время продолжал безучастно пялиться в экран. Только получив мзду, я, наконец, заметил, что телевизор работал без звука! Да и хозяйка все свои действия выполняла молча, как будто на поминках. «Да это же семья глухонемых!», - догадался я. На улице пришлось поделиться своими предположениями с остальными, от усталости ничего не замечающими, товарищами. Первой начала хохотать Лена Могильная, за ней все остальные. Смех носил несколько истеричный характер. Особенно он усилился, когда мы пересчитали полученные деньги. Их было обидно мало! «Що занадто, то не здраво!», - подвела итог Наталья Донская и мы, подтрунивая над нашим импресарио, двинулись в монастырь.

В обители отдохнуть не пришлось. Игумен очень просил нас пройти с колядками по немногочисленным монашеским кельям. Вновь зазвучал кларнет и аккомпанирующие ему гитары. Святки продолжались!

После праздничного обхода сам игумен пришёл в наше крыло. Мы собрались у девчонок, так как их комната была побольше. Монастырский начальник принёс с собой две бутылки прекрасного сухого «Мартини» и началось общение. Мы узнали всю историю монастыря, подробно были ознакомлены с каждым из насельников, и всё это под гитару, колядки и хорошее вино. Правда, большая часть сообщаемой нам информации уже была нам, так или иначе, знакома. Тем не менее, мы с интересом слушали, а Лена Могильная периодически восклицала: «Потрясающе!». При этом она энергично взмахивала руками, рискуя свалиться со второго яруса армейской кровати. Пришлось Валере сесть рядом с ней и периодически страховать восторженно-вежливую студентку. Разошлись далеко за полночь, трезвые и усталые, но очень довольные...

Утром нас ждало возвращение в Хелм, где мы должны были дать благотворительный концерт и поездом отправиться на Родину. В автобусе невыспавшийся хор в основном дремал. Время в пути промелькнуло незаметно и, выгрузившись на уже знакомом нам автовокзале, мы ощутили себя пойманными рыбами, которые мгновенно и сразу перемещаются из размеренно-спокойной водной среды в удушливое надводное пространство. Город навалился на нас всей своей суетливой громадой. Оставив вещи в помещении какой-то организации, где нам предстояло петь, мы пошли прогуляться. Валера привёл нас на русское кладбище. Это была невесёлая прогулка. Десятки могил с известными русскими дворянскими фамилиями на надгробьях, старенькая церковь и многолетние деревья кладбищенского парка навевали печаль, а усталость придавала нашей импровизированной

экскурсии какой-то надлом. Нам было уже не до туристических впечатлений. Просто хотелось домой...

Подготовка к концерту немного встряхнула, повесивший было нос, коллектив. Распевшись и повторив столь ненавистную отцу Анатолию двойную фугу, мы облачились в концертные костюмы и начали свою программу. Зал принимал нас хорошо. Были даже звукооператоры с местного радио. Они готовили передачу о нашем визите в епархию. Особой популярностью пользовались наши украинские колядки. Эти немного наивные, но удивительно прекрасные народные псалмы имели неотразимое воздействие на публику. Особенно трогала людей песня в обработке Барвинского «Що то за предиво». Наталья Донская пела соло, а хор мягко сопровождая, поддерживал её, словно морская волна серфингиста. От музыки веяло какой-то потрясающей умиротворённостью. Казалось, что все присутствующие на концерте, и поющие, и внимающие, находились в момент исполнения в рождественском вертепе, и вместе с Иосифом тихо, боясь потревожить сон Богомладенца, поудобнее устраивали юную Богородицу...

Наташка «бисировала», а публика ещё долго аплодировала нам стоя. Вероятно, да и, скорее всего, не мастерство начинающего хора зажигало души людей, а та Вера, с которой мы исполняли песнопения. Нет, были в нашем пении и строй, и нюансы, и приличная дикция, но это было как бы само собой разумеющимся. Трогало другое – искренность и настоящее религиозное чувство, с которым мы пели даже самые незамысловатые произведения.

Освежённые успехом, мы выдвинулись в сторону железнодорожного вокзала – через полтора часа отходил киевский поезд.

XVII

Билеты мы взяли только до Ковеля. Дело в том, что в злотых проезд стоил дороже. В Ковеле же состав стоял тридцать минут, и мы надеялись без проблем приобрести билеты уже за украинские купоны, сэкономив, таким образом, немалую сумму. Всё было прекрасно – проводник подтвердил, что вагон идёт полупустой, и мы сможем купить билеты на те же места. Ехали мы без Валеры, который умудрился забыть в Люблине свой паспорт. Лена Могильная даже всплакнула по этому поводу, так как между ней и Друговским успела пробежать искра взаимной симпатии, переходящей в настоящее большое чувство. Я тихо радовался удачной поездке и скорому возвращению в семью. Настроение не испортили даже въедливые, поминавшие через слово «дупу», польские таможенники. Отчаявшись найти хоть один незадекларированный доллар, они вскоре оставили нас в покое. Девчонки предложили сразу взять постели, но я осторожничал и сказал, что расслабляться будем после того, как приобретём места до Киева.

Как выяснилось в Ковеле, перестраховывался я не зря. В кассы помчались обе Натальи и Санечка Тарабукин. Через десять минут Саша вернулся и сказал, что нам не продают билеты. «Почему?!», - возопили мы. «Из принципа», - отвечал мой кум. Действительно, кассирша, услышав

«москальскую мову», категорически отказалась продать билеты на стоявший «под парами» киевский состав. Сломить её упорство не помогли ни трогательная история путешествующих церковных певчих, ни, пусть и запоздалый, переход на «державну мову». Пришлось выгружаться. Мы не отходили от нашего вагона, надеясь, что нам поможет хотя бы дежурный по вокзалу. Не тут-то было! Солидарный со стержозной, национально озабоченной кассиршей дежурный, даже не подумал разрешить конфликт. Надо было видеть наши глаза, провожавшие уходящий в Киев состав! Следующий поезд шёл только утром. Мы расположились на ночлег в нетопленном из-за энергетического кризиса зале ожидания ковельского вокзала.

В здании было сыро и как-то особенно по вокзальному неуютно. Повсюду сновали цыганские дети, нахально выпрашивая милостыню. Одно, из воспетых ещё Пушкиным, «вольное дитя степей» подошло к нам. «Деньги дай!», - потребовал маленький нахалёнок. «Нету, деточка, денег, - шутливо отвечала Маша, - одни доллары остались...». Дитя рыночных отношений не растерялось и юмора не оценило. «Доллар дай!», - вновь потребовал цыганёнок. Он не отстал от нас, пока мы не дали ему одну, утаённую от бдительного польского таможенника, американскую денежку.

Из-за националистических «выбрыков» ковельских железнодорожников спать нам расхотелось. Чтобы не замёрзнуть окончательно, я предложил поучить в «пол голоса» новый для нас концерт Максима Березовского «Не отвержи мене во время старости», ноты которого я предусмотрительно захватил с собой в поездку. Сказано – сделано! Через десять минут мы уже потихоньку, чтобы не потревожить отдыхающих транзитных пассажиров, начали разбирать первую фугу. Концертом этим я «заболел» ещё в годы учёбы в музыкальном училище, купив двойной виниловый альбом хоровой капеллы имени Юрлова. Музыка меня покорила сразу и навсегда! Будучи человеком общительным, я тут же пригласил к себе Санечку Тарабукина и «подсадил на Березовского» своего друга. Мы с ним стали настоящими «концертопоклонниками» Максима Сазонтовича. Саша даже, учась в киевской консерватории, делал аранжировку финальной фуги для ансамбля баянов. О том, чтобы исполнять такую музыку в те времена хором даже и речи быть не могло - в учебнике хороведения Павла Григорьевича Чеснокова заключительная фуга этого потрясающего хорового концерта «Да постыдятся и исчезнут, оклеветавшие душу мою» была приведена без слов. Исполнить концерт Березовского стало моей навязчивой идеей. Как только в постперестроечной Украине были опубликованы ноты с текстом, я начал по-партизански, исподволь подбираться к гениальному творению нашего земляка. Переписал и напечатал партитуру, выучил весь концерт «от и до» как дирижёр, и только искал удобного момента для начала репетиций. Момент, хоть и не самый удобный, настал. Через десять минут после начала импровизированной репетиции к нам подошёл дежурный милиционер. «Кінчайте співати!»,- приказал он. «Ви заважаєте людям відпочивати», - пояснил страж порядка. Посмотрев на бегающих и что-то кричащих таборных детей, я спросил в ответ: «А що, ціганські діти відпочинку людей не заважають?». «Ні!», - отвечал принципиальный, как все

жители города Ковеля, милиционер. Мы вынуждены были прекратить «москальські співи» и я собрал ноты.

Попытки наши как-то расслабиться и уснуть не увенчались успехом. Было холодно. Воздух, несмотря на низкую температуру, был по вокзальному спёртым, а смуглые ребятишки, казалось, работали на постоянно рекламируемых в «ящике» «вечных» батарейках «Энерджайзер». «Друзья, - обратился я к своим товарищам-сидельцам, - давайте пройдемся по ночному Ковелю. Согреемся в движении, да и воздухом чистым подышим!». Гулять решили по очереди – денег на камеру хранения уже не было. Набралась первая экскурсионная группа – мы с кумом, Наталья Донская и, конечно же, друзья-соперники Саша и Женя. На улице подморозило и выпал небольшой снежок. Хрустя ледком подмёрзших луж, мы двинулись к ковельскому парку.

Согревшись ходьбой, мы начали резвиться. Парк изобилует различными скульптурными группами из железобетона. Был объявлен конкурс на лучшее название тех или иных композиций. Первое место досталось мне, переименовавшему «Івасика-телесика», окружённого гусями-лебедями, в «Памятник Михаилу Самуэльевичу Паниковскому». Действительно, припорошенный снегом Івасик в окружении любимых птиц старшего сына лейтенанта Шмидта, напоминал известного литературного героя, шедшего на гуся, «как тореадор на быка». Некоторые затруднения в переименовании вызвал, безвкусный в своём ложном монументализме, памятник украинской писательнице и поэтессе Лесе Украинке. Пока большинство гадало, как назвать странную фигуру со знаменитой косой, уложенной вокруг головы, проворный, как обезьяна, Женька взобрался на колени к сидящей гордости украинской литературы и, словно младенец, приложился к груди. Наташка, понимавшая, что этот фортель затевался из-за её благосклонности, тут же зафонтанировала: «Якщо ви зголодніли, Леся – і з вами все горазд!», - дикторским голосом произнесла наша хоровая Кармен навязший в ушах слоган украинской рекламы «Сникерса». Все, кроме Карзапяна, захохотали. Я решил прекратить глумление над классиком. «Ребята, мне это напоминает небезызвестную сцену из «Дон Жуана». Учтите, Леся Украинка создала украинский вариант этой бессмертной трагедии, так что, Женя, я бы на твоём месте так уж не рисковал. Вдруг памятник по ночам оживает?», - тоном опытного экскурсовода сказал я. Возникла двухсекундная пауза, за время которой Женьку как ветром сдуло с колен писательницы. Все, на этот раз, включая и Карзапяна, рассмеялись от души.

Побродив ещё часок по ночному городу, мы вернулись на вокзал, давая возможность товарищам тоже размяться прогулкой.

XVIII

Наконец за окнами вокзала, этого ковельского оплота украинского национализма, забрезжил робкий январский рассвет. Купив, теперь уже без всяких проблем, билеты на поезд «Берлин – Киев», мы вышли с вещами на перрон. Поезд был скорый и стоял в Ковеле недолго. Напряжённые будни нашего польского вояжа и бессонная ночь в холодном вокзале здорово

сказались на нашем самочувствии и внешнем виде. Мы практически ничем не отличались от замученных кочевой жизнью «челноков», стоявших тут же на платформе. Разве что сумки у нас были поменьше...

Поезд пришёл вовремя и мы, без особых приключений погрузившись в купейный вагон (вот так сэкономили!), завалились спать. Сил хватило только на то, чтобы расползтись по полкам. Спал я без сновидений, провалившись в сон, как в чёрную болотную трясиину. Поезд мчал нас через живописнейшие ландшафты Западной Украины, на станциях входили и выходили пассажиры, но мы, равнодушные от накопившейся усталости, к природным красотам и разнообразию человеческих типов, проходивших мимо нас, находились за гранью земной реальности.

Проснулись мы, когда уже за окнами вновь сгущались сумерки. Умывшись и наскоро перекусив, народ явно начал скучать (сказалась недельная привычка постоянных богослужений и колядок). Скука – мать уныния, и чтобы нас не посетило это грешное чувство, я предложил продолжить, прерванную ковельским милиционером, репетицию. Весь хор собрался в одном купе. Женские партии расположились на нижних полках, а мужчины, кряхтя, полезли наверх. Минут через пятнадцать уже никто не замечал никаких неудобств. Музыка Березовского захватила нас полностью. Постепенно сплелась медленная fuga первой части. Довольный результатом, я закончил репетицию. Да и уже пора было собираться – через пару часов нас встречал Киев.

В столице пришлось долго ждать проходящего поезда. Билеты были куплены и мы коротали время в зале ожидания, ещё недавно рукоплескавшего нам перед отъездом. На этот раз обстановка к овациям не располагала. Все устали и нетерпеливо поглядывали на часы. Хористы по очереди выходили прогуляться на привокзальную площадь. После празднично освещённых и наполненных радостными людьми улиц польских городов, Киев показался нам мрачноватым. Даже возле вокзала горели не все фонари, пассажиры и провожающие, казалось, решали на ходу какие-то внутренние проблемы, сея вокруг озабоченность и тревогу. Чувствовалось, что даже череда праздничных дней не дала расслабиться жителям, попавшей в незалежную ловушку, Украины. В наших рядах тоже началось смущение. Моя молодёжь, прежде всего Карзапян и Лена Могильная, вдруг впали в депрессию, осложнённую бурными эмоциональными всплесками. Первым начал мой ученик. «Приехали!», - саркастически улыбаясь, сказал он. «Здравствуй, родимое болото, - продолжил Саша, - глаза б мои тебя не видели!». Я счёл своим педагогическим долгом вмешаться. «Саша, Родину не выбирают...», - заметил я. «Для нас Родина давно уже стала мачехой», - чуть ли не со слезой во взоре отвечал Карзапян. Только было, я открыл рот для взвешенной воспитательной тирады, как вмешалась Лена Могильная. «Куда мы едем?!», - стеная, как на подмостках, вопрошала она. «Леночка, домой едем. Там тебя родители уже заждались...», - мягко успокаивала нашу эмоциональную певчую Маша. «Причём здесь родители? Мы возвращаемся в какое-то средневековье!», - продолжала трагический монолог Лена. Карзапян, поддерживая позицию однокурсницы, начал плевать. «Тьфу, на всё это скопище жлобов! Тьфу, на эту столицу и всю нашу незалежность!», -

заяви он. «А я Родину люблю!», - вдруг весело сказала моя кума. И столько было в её словах убеждённости и в тоже время юмора, что наши «западники» сникли и поутихли.

Вот, наконец, объявили посадку на наш поезд до Чернигова. Ехали мы в общем вагоне. Было не до сна. Мы поужинали и нас потянуло на воспоминания. Поскольку сил уже не было, воспоминания не были бурными, как сами события. Смеясь, вспомнили и концерт для глухонемых, и покупку водки у самих себя, и, конечно же, наши богослужения и концерты. Как-то незаметно мы начали петь. «Ночь безмолвна, ночь святая...», - звучал хорал в полутьме вагона. Стало как-то особенно хорошо и уютно. Сейчас мы тихонько пели для самих себя и для души. Мы исполняли колядки, которые, как ни странно не надоели нам за часы заработков по польским сёлам. Заканчивалась поездка, в которой все по-особому сплотились, пережив общие радости и трудности, узнав друг друга в доселе не веданных жизненных обстоятельствах. В каждом (разве что кроме Карзапяна и Лены Могильной) сейчас уживалось два противоречивых чувства – радость возвращения домой и сожаление о заканчивающихся гастролях. Всё-таки, поездка была больше гастролями, чем паломничеством. Может потому, и вели мы себя не всегда как церковные хористы, но как артисты-хоровики.

Допеть колядку нам не удалось. «Прекратите безобразия!», - раздался возмущённый голос женщины средних лет, ехавшей возле купе проводника. Пока мы не запели, она в течении двух часов что-то без конца монотонно обсуждала со своей попутчицей. Это был единственный протест против нашего вокала. Остальные немногочисленные пассажиры ничего не имели против того, чтобы в Святки послушать рождественские песни. «Простите, разве мы Вам мешаем? Вы ведь не спите...», - спросил я. «Дайте людям отдохнуть! Я хвора людына!», - вдруг по украински закончила она свою речь. С большой неохотой мы прекратили свою тихую песнь, ведь нас никто не кинулся защищать, а вступать в полемику не было сил. Воодушевлённая победой тётка вновь «повязала языки» со своей дорожной подругой, возобновив бесконечные «А вона каже...» и «Да ты шо?». Под аккомпанемент вагонных колёс и какое-то унитазное журчание «доставшей» всех беседы мы и скоротали оставшееся время до Чернигова.

На вокзале обеих Наташек встречали мужья. Остальные просто обрадовались возвращению и поспешили взять такси – была поздняя ночь. Входную дверь я открыл своим ключом, но в коридоре уже ждала, узнавшая мои шаги на лестнице, Иришка. Объятия законной супруги окончательно подтвердили моё возвращение в семью. Я чувствовал себя победителем...

XIX

Знаете ли вы, что такое волнение перед выходом на сцену? Волнение, для кого-то мучительное, а для меня желанное, словно героин для наркомана? Понять и оценить это состояние может лишь тот, кто в силу избранного рода занятий регулярно вынужден находиться на публике. Холодные, чуть влажные руки, испарина на лбу и боязнь что-то забыть или перепутать – с одной стороны. Предчувствие чего-то волнующего и

захватывающего – с другой. Перед выходом ты резок и немногословен, потому что мысли заняты предстоящим выступлением. Иногда даже возникает ощущение физической боли (это когда выступление особо ответственное). И вот ты на сцене. И тут уже неважно, что тебе предстоит делать – петь, говорить или дирижировать. Главное – сделать шаг и начать. Постепенно уходит страх, а с ним и руки перестают мёрзнуть. Наоборот, появляется ощущение тёплой волны, идущей откуда-то снизу от ступней ног, словно после выпитой рюмки чего-то крепкого...

Сейчас я находился в первой стадии волнения. Помещение за сценой Рахманиновского зала Московской консерватории было небольшим – наш немногочисленный камерный коллектив заполнял его плотно, словно состарившуюся одежду, чуть располневшее тело. Со времени польского вояжа прошло совсем немного времени – каких-то два года, но мы за эти семьсот двадцать четыре дня прожили целый жизненный этап. Прожили, как говорится, «со своим Сталинградом», познав и радость настоящих побед, и горечь предательства вчерашних друзей и учеников. Состав хора ППО не только изменился, но и увеличился. Вокруг тех, кто не гнался за «живыми деньгами» и преодолел искушение вечным провинциальным музыкантским безденежьем, собрались люди, находившие время для занятий и выступлений исключительно из любви к искусству. Вот они – стоят и тоже волнуются: и Карзапян, что-то шепчущий на ушко своей Светлане, ставшей нашей певчей «на почве личных отношений», и Вовка Грищенко – темпераментный и вечно чем-то недовольный тенор, однако настоящий музыкант и товарищ, и молодая круглолицая женщина, в имени и фамилии которой смешно сочетаются типично русское начало и заимствованная родителями экзотика – Эльвира Тимошкина, кстати, прекрасное сопрано. Отдельно, и подчёркнуто солидно «сосредоточились» наши басы – рослые студенты Паша и Ваня, а так же почти мой «однокашник» Олежка Степасюк, учившийся в «музылице» на два курса младше, чем я. Обременённый семьёй и рвущийся между пятью работами, он приехал в Москву последним на пятничном «торгашеском» поезде, расположившись где-то между мешками с мясом и творогом. Продукты в богатую столицу России везли в основном из Нежина в пятницу, чтобы в субботу, распродав снесь не самым обеспеченным москвичам, уехать назад в незалежную. К басам примкнул и тенор Витя - наш выпускник, продолживший образование уже как гитарист. Все внимательно слушали, что происходит за дверью, ведущей в зал.

Там, на рахманиновской сцене, мощно гремел хор семинаристов – могучий, словно девятибалльный шторм, мужской коллектив. Выходить и петь после этого звукового извержения, было страшновато. С каждым новым исполняемым произведением страх наш только усиливался. Наконец волна молодых парней в чёрных подрясниках хлынула с подмостков, размазав камерный хор ППО по стенам тесной артистической. Последним шёл молодой иеромонах – дирижёр этого православного музыкального чуда. «Какой симпатичный! Типичный русак...», - восхищённо шепнула мне Марина Гончаренко – моя коллега, недавно пришедшая в училище после харьковского института искусств. «Марина, он иеромонах!», - осуждающе ответил я. А в это время директор фестиваля Георгий Георгиевич

Поляченко уже объявлял наш коллектив. Ребята дружно рванули на сцену. Когда пошли девчонки, вдруг раздались аплодисменты. Потом, просматривая видеозапись выступления, а с нами в Москву поехал журналист черниговского телевидения, я понял, что мои молодые и красивые певицы, облачённые в строгие чёрные платья и покрывшие головы белыми сияющими шальями (продукция черниговского камвольно-суконного комбината!), спровоцировали строгую и сдержанную московскую публику на аванс. Зрелище действительно было впечатляющим – в обрамлении мужских партий стояли юные, нет, не певчие, голубицы и сияющими (скорее всего от страха) глазами смотрели на публику.

«Регент - Андрей Соболев!», - чуть повысив голос, объявил Поляченко. Я, словно в прорубь, шагнул на сцену...

XX

«Степенны восьмого гласа. Распев Киево-Печерской Лавры», - уже самостоятельно объявил я первый номер и, схватив с пульта камертон, задал тон. В последний момент перед ауфтактом я вдруг понял, что открыл не те ноты в сборнике. Опустив руки, под недоумевающими взглядами своих товарищей, я судорожно начал листать нотные страницы. Вот он восьмой глас! Перезадав тон, я, наконец, сделал первый взмах. «От юности моя враг мя искушает, сладьми палит мя: аз же надеяся на Тя, Господи, побеждаю сего...», - запел хор хорошо знакомое песнопение. Кружева лаврского распева, безусловно, обладают психотерапевтическим воздействием. Я успокоился и стал не просто «отсчитывать доли», а лепить из звуков музыку, выделяя ключевые слова, выстраивая динамику каждой фразы. Но вот витиеватый узор напева подошёл к завершению. Зал сдержанно зааплодировал. Теперь предстояло самое главное – выступление с отцом Владимиром. Всё, что происходило в Рахманиновском зале называлось «Праздником диаконовского искусства памяти архидьякона Константина Розова». Каждый коллектив-участник обязан был представить в своей программе выступление с диаконом-солистом. В основном отцы-диаконы пели с хорами произведения духовно-концертного склада. Мы же решили показать действительно искусство диаконовского служения, подготовив с отцом Владимиром ектенью Сергея Толстокулакова, прокимен и чтение «Апостола». Как оказалось, это был мощный ход. Когда на сцене появился батюшка в полном облачении, по залу прошёл лёгкий шумок удивления. «Миром Господу помолимся!», - начал отец Владимир своим удивительным, каким-то трогательным тенорком. «Го-спо-ди, по-ми-луй!», - подхватил хор и зал замер, возможно, поражённый этим фрагментом живого богослужения в концертной обстановке. Подняв руку с зажатым в ней орарём, диакон продолжал молитву. Я, совершенно успокоившись, уже «держал в руках» не только себя, но и всех певчих. «Запечатав» моление мягким, плагальным «Аминь», мы буквально окунулись в горячие аплодисменты взыскательной московской публики. А отец Владимир уже возглашал: «Прокимен глас первый...». «Буди, Господи, милость Твоя на нас, яко же упова-а-а-а-хом на Тя, упова-а-а-а-хом на Тя!», - ответил диакону хор. Напев воскресного прокимна

первого гласа Киево-Печерской Лавры несёт в себе какой-то поразительный заряд торжественного величия, вызывающий настоящий религиозный экстаз, как у поющих, так и у молящихся. Казалось, хор звучал откуда-то сверху, наполняя звуками песнопения каждый уголок большого зала, каждое сердце многочисленных слушателей. Закончив, в третий раз возглашённый дьяконом до половины прокимен, мы замолчали, слушая чтение «Апостола». Отец Владимир читал древний текст очень осмысленно, внятно, но не выходя за рамки церковной традиции. Приближаясь к окончанию послания Апостола Павла, батюшка начал восходящее движение по полутонам. Этот момент мы тщательно отработали на репетициях. Финальный возглас «аллилуйя» должен был совпадать с пятой ступенью тональности распева. Отец Владимир не подвёл и я, моментально спев вниз мажорное трезвучие от его тона, взмахнул руками. «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...», - загремел, ликуя хор, заканчивая самую ответственную часть нашего выступления. Наградой нам вновь были более чем доброжелательные аплодисменты московских знатоков церковного пения. Отец Владимир покинул сцену, а я объявил следующий номер программы: «Сергей Трубачёв – задостойник Воздвижения Честного Креста Господня». Теперь со сцены звучал знаменный распев в великолепном изложении диакона отца Сергия Трубачёва. Каждый раз, исполняя это песнопение, мы сами получали огромное удовольствие – так ладно (иначе и не скажешь) соединились в произведении подлинный распев и авторская гармонизация. Зал уже, безусловно, был наш – аплодисменты «горячели» от номера к номеру. Но сидящие в зале ещё не знали, что их ждёт впереди...

Я начал говорить об украинских колядках. В зале повисло лёгкое недоумение, ведь Рождество давно прошло. А я, классифицируя колядку, как народный псалом, разразился панегириком, воспевающим поэтичность народно-песенных образов, яркость и сочность языка и так далее. Отец Владимир в это время снимал за кулисами облачение, чтобы предстать перед публикой в простом подряснике. И вот, увидав в проёме выхода из-за кулис нашего дьякона, я объявил: «Украинская колядка «Що то за предиво» в обработке Барвинского. Солист – диакон Свято-Преображенского собора города Чернигова отец Владимир (Кулик)!». Выход дьякона был встречен настороженно-одобрительными аплодисментами москвичей. По замыслу композитора, солист и хор начинали петь одновременно. Когда-то в Польше, эту колядку потрясающе пела Наташка Донская, но, устремившись за обещанными отцом Николаем (да, да, тем самым настоятелем «Казанки») заработками, она с «группой товарищей» покинула хор. И, тем не менее, собираясь на Фестиваль, мы поставили именно на это произведение. Уже на репетициях стало ясно – отец Владимир исполняет соло не хуже, а даже лучше прежней солистки. Оставалось донести репетиционные достижения до взыскательной московской публики. И это более чем удалось! Мягкий тенор нашего солиста, казалось, обладал какой-то магической силой. Дьякон не пел, а рассказывал о первых часах рождения Богомладенца, рассказывал с глубочайшей верой, словно сам был участником тех событий двухтысячелетней давности. В зале стало на удивление тихо. Ни один звук, ни один нюанс не был упущен нашими слушателями. И вот заключительная

каденция - Барвинский, подражая музыке XVII века, минорную колядку закончил мажорной тоникой. Я «снял» звук. Через мгновение на нас, словно лавина, обрушились аплодисменты. Смущённый отец Владимир поклонился и поспешил покинуть сцену. Зал не смолкал. Я пригласил солиста на поклон. Овации разразились с новой силой. Нашего дьякона явно не собирались отпускать без «бисовки». Растерянно я посмотрел на директора фестиваля, строго предупреждавшего меня ещё в первый день о недопустимости затягивания пребывания хора на сцене, так как каждая лишняя минута – это деньги за аренду зала. Взгляд мой можно было истолковать двояко: а) «Видите сами, какой успех...»; б) «Что же делать?». Видимо, Георгий Георгиевич прочёл оба варианта. Он благожелательно кивнул, «...мол, ничего не поделаешь, давай «бис»...

Я предупредил ребят, что поём только второй куплет и вновь зазвучал какой-то трогательно-неземной голос отца Владимира. Публика встретила «бис» с не меньшим энтузиазмом, чем программное исполнение. Когда аплодисменты, наконец, отзвучали, я объявил заключительное произведение нашего выступления. Это была тоже колядка, но уже без солиста – очаровательная песня в обработке Кирилла Стеценко, похожая больше на танец, чем на псалом. Сполна насладившись успехом, мы покинули сцену...

В консерваторской аудитории, где мы переодевались, весь состав хора дал волю чувствам. «Это успех!», - повторяли все в разноречивой. «Мы сделали это», - выкрикнул Карзапян и исполнил какой-то причудливый танец - нечто среднее между брейк-дансом и мазуркой. Потом начался обмен впечатлениями. Оказалось, что самым благодарным слушателем была сухонькая старушка, сидевшая в первом ряду. Я её не видел, так как стоял спиной к залу, а вот ребята, несмотря на занятость музыкой во время исполнения, успели разглядеть все нюансы зрительской реакции на наше выступление. «Это была дочь самого Константина Розова», - сказала Марина Гончаренко, - «Я узнавала». «А к нам подошли какие-то женщины и сказали, что Чернигов показал по-настоящему молитвенное пение!», - сказали наши сопрано Вера и Света. Поднялся типично школьный шум, когда все говорят, и никто не слушает. Я не прерывал своих товарищей. Моё сознание было в каком-то слоистом состоянии, причём слои были диффузорно перемешаны. Я всё ещё слышал исполняемую музыку, невпопад отвечал на вопросы ребят, пытался проанализировать лучшие и худшие моменты нашего выступления, думал о том, что успех на фестивале может помочь предать любительскому хору профессиональный статус, например Черниговского камерного хора. Из «слоистого» состояния меня вывела молодая женщина-корреспондент одной из многочисленных московских радиостанций. Она пришла взять интервью. Я кинулся знакомить её с коллективом, а потом мы уединились, чтобы подробно поговорить о Православном певческом обществе, моём пути в музыку и прочих не менее интересных вещах. Я был весьма польщён. Интервью – это тоже часть успеха...

Потом мы кинулись досматривать концертную программу. Там было немало интересного. Особенно запомнился американский мужской хор, певший византийский распев. Мы слушали последующие выступления, аплодировали и кричали «браво», но всё же всё происходящее казалось нам

не совсем реальным. По окончании программы ребята заторопились отдыхать. Жили мы все в разных концах Москвы и Подмосковья, так как размещение и проживание было у нас «за свой счёт» - таковы условия фестиваля. Мама, просидела неделю «на телефоне», но смогла расселить у знакомых, друзей и родственников весь хор. Часть певцов забрал к себе в подмосковный дом советник украинского посольства по культуре, с которым я познакомился летом, «пробивая» поездку.

После концерта, уже на улице, я подошёл к Георгию Георгиевичу. Поляченко усаживался в машину. «Дорогой Георгий Георгиевич, позвольте Вас поблагодарить за то, что предоставили нам возможность принять участие в таком удивительном Празднике православной музыки!», - наверное, излишне возвышенно, но от всей души сказал я. «Не за что», - отвечал, поглядывая на часы, директор фестиваля. «Вы очень хорошо выступили!», - добавил он, делая явное движение в сторону открытой дверцы автомобиля. «Я прошу принять от нас небольшой черниговский сувенир», - заторопился я, протягивая двойному Георгию увесистые пакеты. В одном была продукция нашего ликёро-водочного завода, а в другом несколько бутылок черниговского пива разных сортов. Поляченко замедлил движение на сиденье машины и с интересом заглянул в пакеты. «А что, - обрадовано спросил он, - это качественная продукция?». «Проверено на себе», - по-военному чётко отвечал я. «Спасибо!», - неожиданно горячо поблагодарил меня Георгий Георгиевич. «Мы сегодня же и используем Ваши подарки по назначению...», - садясь в машину, закончил он разговор.

Жена Иришка, бывшая всю поездку моим Санчо Пансой и сейчас стоявшая рядом, по-родственному прижалась ко мне. «Андрюша, поехали отдыхать. Сил нет – кончились...», - сказала она. Мы заспешили к ближайшей станции метро...

Постукивая на стыках, плацкартный вагон состава поезда «Москва-Чернигов», упрямо буравя февральскую ночь, вёз домой хор Православного певческого общества. Уже были произнесены все возможные тосты, съедена немудрёная дорожная закуска и затихли пресловутые «вагонные споры». «Плацкарта» погрузилась в сон. Не спал лишь я, хотя обычно после того, как коллектив «кидал банку», сон приходил почти мгновенно. Я думал об успехе и его последствиях, строил планы на будущее. Казалось, всё теперь должно сложиться, словно удачный пасьянс. Если бы знать, что не пасьянсом была наша поездка, не улыбкой Фортуны, а лишь щедрым авансом Творца. Авансом успеха, предоплатой регентской судьбы для меня, кума Тарабукина и моего ученика Санечки Корзаченко. Авансом был и польский вояж и московский фестиваль. Нам, молодым ещё людям, были отпущены в кредит и аплодисменты, и «бисирование», и, разумеется, сценическая эйфория. Долги принято отдавать. Все последующие годы нам предстояло только тем и заниматься - стал к пульту в Воскресенском храме родного Чернигова Карзапян, собрал церковный хор в Надыме Санечка Тарабукин. Ну, а мне предстояло взвалить на плечи крест регентского служения в Нефтезёрске – городе, где я, став в хоровом деле настоящим народным умельцем из тех, у кого и на трёх колёсах хваленый «Мерседес» ездит, тружусь, и по сей день...

Но будущее всегда закрыто от нас, божественный промысел до определённого момента непонятен. И независимо от того беспечны мы или по-штурмански расчётливы на жизненном пути, маршрут определяем не мы...

Поезд, нагоняя потерянное на таможне время, мчал нас в родной город, и эта ночная дорога была лишь малым отрезком на нашей непростой и отнюдь не прямой линии жизни. Малым и счастливым отрезком нашего Пути...